

Евгений Плотников

*Семьдесят
два*

Евгений Плотников

Семьдесят два

«Автор»

2026

Плотников Е. А.

Семьдесят два / Е. А. Плотников — «Автор», 2026

Корн — охотник за артефактами исчезнувшей расы Дисцентов. Его работа — риск и одиночество. Но когда после задания его пытаются убить собственные наниматели, он понимает: за древними технологиями охотятся не ради первенства в гонке Ветвей. На кону — само существование человечества. Две могущественные Ветви цивилизации, конкурирующее за лидерство тысячелетия, внезапно объединяются. Их цель — последняя тайна Дисцентов, скрытая в сердце Глубокой Серой Зоны. Корну поручают это задание, и он собирает коллектив из таких же отчаянных изгоев, как и он сам. Вместе они уходят за грань известного мира, не зная, что древняя раса оставила не сокровища, а испытание. Цена поражения — не смерть, а исчезновение реальности. В бескрайней пустоте, где время течёт иначе, а сознание становится оружием, Корну предстоит сделать выбор, который определит судьбу не только его коллектива, но и всей галактики. Смогут ли они остаться собой, когда Вселенная требует от них отказаться от всего, что делает их людьми?

© Плотников Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Плотников

Семьдесят два

Глава 1

Планета Игн, 107-70-106(Сектор-Квадрат-Система), Серая Зона. Год 2052 от Разделения.

Пройдя по небольшому коридору, Корн остановился у двери. Первые шаги заставили каждый сустав издать стук, а сжатые кулаки завершили симфонию затекшего тела многократным хрустом. Тело слушалось, но вялость в мышцах сковывала движения — точнее, ему казалось, что она их сковывает.

Дверь не спешила открываться, ожидая команды. Голова немного гудела, полностью не восстановившись после глубоко сна, а глаза с заметным опозданием фокусировались на нужных предметах — будто бы он недавно получил увесистую затрепщину и теперь пребывал в состоянии, близком к легкой контузии.

Первые шаги усилили кровоснабжение тела, и на мгновение гудение в голове перешло в отчетливый писк. Но тот быстро стих, возвращая нормальное функционирование вместилищу «я» Корна Ронда Селезиума — человека, принадлежащего Ветви Некс, производного от Ветви Вивус.

Как и всегда после длительного перемещения через ПП, его мучило жгучее желание поменять жизнь, а давящее чувство невозможности совершить сей маневр, подстегивало злость на самого себя и обстоятельства, что привели ее — жизнь и его самого в ней — в то самое место и время, в котором ему удосужилось существовать. И оно всегда возникало после выхода в действительный космос, и если во время возвращения на планету организм чувствовал скорую встречу с дружелюбной поверхностью и скорый отдых, тем самым ускоряя восстановление, то сейчас его ждало куда менее радужное времяпрепровождение, в куда более беспокойной обстановке.

Дверь в кабину управления открылась, издав лишь еле слышный звук работы привода. Корн секунду помедлил и вошел внутрь. Он бросил взгляд на черное кресло, серые стены, черный пол — и его обуяло еще большее отвращение к работе. Но понимание, что вскоре мозг окончательно придет в себя после глубокого сна, а желания жить и узнавать новое вернуться на свои места, заставило его приступить к сканированию.

Система рассчитала пробуждение пилота корректно, дабы не томить перелетом от точки выхода в действительный космос до орбиты планеты Игн. Теперь Корну оставалось лишь соединиться с ней и приступить к поиску Хранилища Дисцентров, где-то под тысячелетним слоем отложений жизнедеятельности этой раскаленной, дико неприветливой к чужакам сферы.

Кресло перевело пилота в лежачее положение, а система корабля, на основании показаний тела единственного члена экипажа, запустила подходящий алгоритм массажа. Корн мгновенно расслабился и подключился к кораблю.

Серебряный эллипсоид резко уменьшил и откорректировал орбиту, выйдя на значения, полученные от представителя Доминис. Корн активировал сканеры среднеповерхностного поиска и приступил к проверке систем корабля.

Перемещение через ПП никоим образом не отразилось на его жизнеспособности и эта формальность — проверка — быстро завершилась. Комдист ядро работало только на прием и, соответственно, принимало лишь настроенную ленту уведомлений. Корн быстро пробежался по заголовкам, не найдя ничего интересного, и перевел фокус на сканирование.

Черная поверхность планеты Игн, изъеденная ядовито-оранжевыми реками магмы и покрытая в хаотичном порядке озерами того же цвета и, вероятно, состава, будто крайне опасное ядовитое животное с ярким окрасом, предупреждало о своей небезопасности — а точнее, о своей смертельной опасности — для любого, кто желает потревожить ее дикое существование.

Корн невооруженным глазом наблюдал огромные наросты, не выбрасывающие ядовитую смесь газов в атмосферу, а стелящиеся их слоем по поверхности, ведь гравитация здесь составляла четыре эталонных значения, а сами газы состояли далеко не из легких и безопасных веществ.

Молодая планета цвела и пылала, чтобы через миллионы лет остыть и, возможно, породить существ, которые ринутся в неравный бой с пустотой космоса, пытаясь скрасить свое одиночество надеждой на существование где-то в черной неизвестности, хотя бы намек на разум.

Система выдала предупреждение о нахождении под поверхностью планеты строения, похожего на искомую структуру. В следующий виток Корн активировал глубокое сканирование, которое подтвердило наличие Хранилища в указанном представителем Доминис месте. Дабы удостовериться, он повторил то же действие на следующем витке. Удовлетворившись результатами, он встал и вывел на свободное пространство объемную модель Хранилища, построенную согласно полученным данным.

Полупрозрачный бункер медленно вращался перед его лицом, позволяя наглядно изучить свой «скелет». Он ничем не отличался от уже найденных ранее, и никаких проблем с доступом к сценте у Корна не должно было возникнуть — как не возникало никогда прежде. Отключившись от системы, он отправился подготавливаться к предстоящей работе, полный уверенности в успешности ее завершения.

Его небольшой корабль был построен по проекту Ветви Артифик и предполагал пребывание на нем трех членов экипажа в течение среднетерминального срока, а точнее, не более семисот тридцати суток. Но Корн был из Ветви Вивус, и поэтому внутренности корабля, не затрагивающие инженерные системы, пришлось изрядно перебрать.

Первым делом каюта превратилась в одноместную. Вместо трех приспособлений для сна, которые биологическому человеку не могли обеспечить требуемое качество отдыха, он поставил небольшую койку. Следом переделал уборную, а рядом с ней смонтировал небольшую «гардеробную». В последнюю переместились снаряжение, инвентарь, костюмы из соседнего с каютой помещения, освобождение которого, в свою очередь, позволило увеличить мощность гравитационной установки. Теперь корабль мог рыскать в границах Млечного Пути в полтора раза больше времени. К тому же имел возможность опускаться в атмосферы планет с гравитацией, повышенной до семи раз относительно эталона, и располагал мультифункциональным помещением.

Доработка имела и еще одно преимущество: повышение комфорта и добавление уюта столь редко встречаемого на кораблях производства Ветви Артифик. Искусственные тела и образ жизни, которого придерживались представители этой Ветви человечества, не требовала подобных излишеств, и они нещадно резались в угоду простоте и практичности. Эти качества, доводимые до предела, в конечном итоге становились преградой для длительного пребывания на некоторых кораблях Ветви Артифик представителей других Ветвей, переводя его в разряд «страданий», или и того более — к невозможности их эксплуатации ввиду физиологических ограничений, присущих человеку, как биологическому существу.

Корн вошел в каюту и направился в «гардеробную». Система корабля подала нужный костюм, соответствующий атмосфере планеты. Корн ловко надел выданное верхнее обмундирование и быстро запрыгнул в высокие черные сапоги. Костюм подстроился под тело носителя, а ворот, мгновение назад мягкий, как хлопковая ткань, покрыл голову серым шлемом без забрала. Корн почувствовал, как в его разъем непосредственного соединения вошел штекер, а в правом верхнем углу поля зрения обозначились строки состояния костюма. Забрало

несколько раз закрыло и открыло лицо, проверив работоспособность, и скрылось, дожидаясь команды на активацию. Костюм подстроил давление внутри себя под нужное значение, герметично затянув резинки на горле, манжеты и соединение с сапогами. Затем он несколько раз проверил все системы и выдал уведомление о полной исправности и готовности к работе в экстремальных условиях, для которых, собственно, и создавался.

Корн зашел в уборную и посмотрелся в зеркало. За серым, слегка серебристым материалом его защитного облачения проглядывало мускулистое тело, а надбровные дуги, немного выступавшие вперед, ровно очерчивались черными бровями. Серебряная радужка глаз походила на текущую ртуть, налитую в располовиненный тор, а ее единственное отверстие занимал серый хрусталик, позволяющий видеть в кромешной тьме.

Он глубоко вдохнул, широко раскрыв ноздри узкого носа, и отдал команду на посадку. Глаза будто подернулись пеленой, пока их владелец вспоминал, в который уже раз в своей жизни он вот так стоит и смотрит в зеркало, перед тем как покинуть корабль и броситься в пучину неизвестности. Рискуя жизнью, он готовился проникнуть в таинственные строения с молчаливыми стенами — и даже спустя сотню раз все равно ожидал подвоха со стороны цивилизации, давно покинувшей эту галактику.

Системы корабля увеличили мощность, подаваемую на гравитационную установку, и приступили к плавной посадке с полной остановкой в указанной точке окончания маршрута.

Корн уселся в кресло и соединился с кораблем. Планета встречала его неплотной атмосферой и высокой температурой. Оранжевое, скорее черно-оранжевое море разливалось по всему обзору, ясно давая понять, что ошибок делать не стоит и каждый шаг по поверхности Игн требует осмысленности и собранности — тем более если речь идет о таком хрупком сосуде для сознания, как человеческое тело.

По мере снижения высоты стали четко просматриваться округлые оранжевые «водоемы», широкие полосы раскаленных рек, высокие черные горы и серые столбы гейзеров, тысячами выраставшие под действием гравитации и внутреннего давления планеты.

Корабль пролетал над ядовитыми газовыми болотами темных расцветок, в которых смесь была такой плотной, что под действием внешних сил переходила в жидкое состояние и отравляла огромные площади вокруг себя. Вокруг них выросли диковинные стены наращенных кристаллов, получившиеся в результате химических реакций грунта, жидкости и газа. Они, будто когти ужасного создания, загибались от старости и длины, опускаясь в облака газа или спиралевидно устремляясь вверх, изгибаясь в странные формы. Окаймляя «болота», они становились естественным препятствием на пути их расширения и тем самым тормозили загрязнение поверхности. Игн предстала перед взором человечества ядовитым оскалом, отбивая желание посещать ее своей бесплодностью и огнем.

Корна удивило, что все газы, извергаемые нутром планеты, тяжелые и нигде нет столбов или грибов дыма любого цвета. Ему уже приходилось видеть раскаленные миры, на их ранней и поздней стадиях развития, но все они обладали какой-никакой атмосферой, в отличие от Игн. Вся их поверхность была усеяна кровотокащими или выбрасывающими вверх газы наростами, будто планету поедала некая болезнь, удаляющая продукты своей паразитирующей жизни из ее внутренностей.

На этих планетах ему удавалось видеть облака диковинных расцветок, своими глазами наблюдать за ядовитыми закатами и восходами и к нечто похожему он и готовился, но Игн преподнесла ему неожиданность: отсутствия у нее своеобразной красоты молодой планеты. С первого взгляда отдавала мертвечиной и безысходностью раскаленной и ядовитой сферы.

Корабль завис в указанной точке, и Корн провел контрольное сканирование. Результат был предсказуем: отсутствие какой-либо понятной человечеству жизни в радиусе ста двух километров от корабля.

Система тут же выбрала подходящие грунту и необходимому проникающему свойству бурильные заряды, а затем навелась на нужное место, ожидая последней команды. Корн отдал ее. В следующее мгновение небольшая ракета отделилась от корабля и устремилась вперед. Пролетев с десятков метров, она резко пошла вниз и на нужной высоте изменила траекторию так, что вошла в склон горы почти параллельно ровной поверхности. Пройдя до установленной глубины, ракета взорвалась. Комья грунта разлетелись в разные стороны, но гравитация тут же потянула их вниз, и по дуге малого радиуса они упали на склон, покотившись по горе и разваливаясь на мелкие части.

Система корабля провела еще десятков залпов, расчищая поверхность и убирая некоторые опасно свисающие комья, способные оборвать жизнь человека в одно мгновение. Результатом работы стало появление на месте участка горы технологического отверстия, похожего на нору, проделанную огромным живым существом. Корн некоторое время смотрел на результат своего и его корабля труда, затем отправился в «гардеробную», которая к тому же служила складом и миниатюрной мастерской, в общем и целом — мультифункциональное помещение, и взял небольшой черный контейнер.

Выйдя из каюты, он повернул направо, и спустился на технический уровень. Здесь коридоры были узкие и вдоль них тянулись кабели и трубы, которые не прятали в каналы ввиду их важности для жизнеобеспечения корабля: в случае повреждения требовалось незамедлительно найти место поломки и провести ремонт. Инженерные коммуникации на кораблях Ветви Арктик разрабатывались с учетом практичности их обслуживания и ремонта. В этом аспекте, как и в большинстве остальных наголову опережали аналогичные средства дальнего перемещения Ветви Вивус.

Корн остановился перед небольшой дверью и на минуту замер, будто собираясь с силами. Дверь уехала в стену, и он подошел к серебристой вытянутой капсуле. Ее эллипсоидное тело немного сплющивалось в самой широкой части и походило на нос утконоса. Там же располагались небольшие крылья — для планирования и лучшей управляемости ввиду малой мощности гравитационной установки, которая в нее устанавливалась. Но здесь крылья были бесполезны из-за малой плотности атмосферы. Само двигательное сердце зонда по расчетам должно было справиться с гравитацией Игн, но работать ей предстояло в верхних границах критических показателей.

Корн подошел к задней части зонда, и перед ним распахнулся небольшой лючок пустого грузового отсека. Присев на корточки, он положил в него контейнер — лючок закрылся, а Корн выпрямился. Забрало шлема окончательно изолировало человека от окружающего пространства, а крышка посадочного места открылась в сторону от Корна. Немного помедлив, он сначала сел, а следом лег в зонд. Крышка закрылась, и система запросила подтверждение отделения.

Зонд покинул корабль, и Корн ощутил истинную силу тяжести на планете: до этого корабль компенсировал ее, приводя к эталону. Его придавило к креслу, но тело приступило к привыканию и переводу самое себя в режим повышенных нагрузок. Медленно войдя в отверстие, зонд пролетел до светло-синей стены Хранилища Дисцентров, и плавно опустился к грунту, зависнув в паре десятков сантиметров от него.

Выбравшись наружу, Корн первым делом нехитрой зарядкой с прыжками размял тело, ускорив привыкание к новому миру, и только потом вынул контейнер из грузового отсека. Пыль от взрывов уже давно, точнее — моментально осела под воздействием силы тяжести, и Корн мог спокойно работать. Костюм активировал налобный источник света, ввиду его малого количества в глубине искусственной «норы», ярко осветив пространство перед рассеянными широким конусом лучами. Поставив контейнер на грунт, Корн присел на корточки, ослабил замки по бокам контейнера и открыл его крышку, откинув ее назад.

— Установка соединения с системами Хранилища, — голосом отдал команду Корн.

— Программа по взлому и перехвату управления активирована, — так же голосом, отозвался корабль.

Из контейнера на пару десятков сантиметров вверх вылез небольшой по диаметру черный стержень антенны. Система корабля связалась с Хранилищем и запустила уже отработанный ни один десяток раз алгоритм обхода протоколов безопасности. Эти протоколы были созданы сотни тысячелетий назад и до сих пор исправно функционировали — пока рука человека до них не дотянулась.

Насилу выпрямившись и поработав плечами, Корн повернулся. Вдалеке четко различался горизонт с оранжевой полосой от лавовых полей и рек, переходящий сначала в желтое, а затем в серое кольцо, которое в конечном итоге становилось блекло-черным, будто впитывая пустоту Вселенной и «нежизнь» поверхности. Разряженная атмосфера и повышенная гравитация, позволяли небу планеты приобретать цвет космоса, и только активная поверхность приносила краски, и то лишь тонкими полосками за тысячи километров от наблюдателя. Темная ночь, с будто бы густой чернотой никогда не опускалась на поверхность планеты, которая всегда, хоть и не ярко, освещалась раскаленными полями лавы, пребывая в полумраке третью часть времени суток. Днем же местное светило раскаляло и так не прохладный грунт докрасна, обильно поливая его радиацией, не задерживающейся разряженной атмосферой. Внутренности планеты приступали к кипению, литосферные плиты подрагивали, вызывая неинтенсивные толчки, с произвольной частотой и амплитудой, а со стороны могло показаться, что день наполняет этот мертвый мир жизнью, заставляя все вокруг беспрестанно колебаться.

На голову Корну посыпалась пыль, и он сделал резкий шаг влево. На то место, где он стоял еще секунду назад, упал большой черный ком, развалившись от удара на несколько мелких частей. Корна позабавила пыль, которая на мгновение поднялась вверх, а затем резко осела, притянутая высокой гравитацией.

— Системы Хранилища, успешно взломаны, — раздался искусственный мужской голос.

— Различия имеются? — спросил Корн, продолжая смотреть вдаль.

— Нет — идентично ранее исследованным строениям Дисцентров, — получил он ответ.

— Открывай.

Он резко повернулся к светло-синей стене, к которой и проделывал отверстие. Еще мгновение она стояла незыблемой, монолитной, но уже в следующее, большой прямоугольник будто растаял в воздухе, растворился без следа, оставив вместо себя, многократно виденную Корном картину. Перед его глазами расстелился широкий белый коридор, с немного сероватым полом и проведенными по его поверхности большими желтыми полосами, которые отступали от стен на пару десятков сантиметров и будто звали пойти вдоль них вглубь «бункера». Корн так и поступил. Смело перешагнув невидимый силовой барьер между планетой и Хранилищем, он ощутил изменившуюся гравитацию: внутри она была привычной для человека. Этот переход был схож с возвращением в теплое жилище после скитаний по морозу, дождю или сильному ветру. Он действовал мягко, как бы обволакивая все тело, не намекая, а говоря прямо: «Теперь ты в безопасности». И это расслабляло не только сознание, но и тело, обещая покой и отдых. Именно это и было опасно. Сейчас расслабляться не стоило.

Свет изливался откуда-то с белоснежного потолка, но каких-либо ламп на нем не было видно. Сцента хранилась на три уровня выше. К ней вели два пути: пологая лестница в самом конце коридора и небольшой лифт ровно по его середине. Корн никогда им не пользовался, так как считал данный способ перемещения небезопасным, а сам лифт подозрительно манящим, поэтому и сейчас быстрыми, большими шагами, подстроенного под большую гравитацию тела, он направился в конец коридора. Идеально ровные стены скрывали невидимые двери, за которыми находились помещения со скрытыми интерфейсами «ручного» управления Хранилищем. Они никогда не использовались, поскольку предполагали взаимодействие с неизвестной формой сознания и каким-либо образом приспособить их для человеческого мозга пока

не удавалось. И все же самое странное заключалось не в этом. Несмотря на обилие помещений, все Хранилище управлялось из одного центра. Оно существовало сотни тысяч лет, автономное, как вечный механизм, запущенный неведомой рукой. Для чего были созданы эти залы, если их функции давно переросли необходимость в ручном вмешательстве? Ответы тонули в тумане догадок, а стены молчали, храня свои секреты под покровом безупречной белизны.

К лестнице вел широкий проем в стене слева. Корн стремительно преодолел три этажа, войдя в идентичный нижнему коридор. Напротив лифта он остановился, и стена пропала, открыв проход в помещение хранения сценты. Оно отличалось от остальных лишь наличием стойки с небольшим кубом без двух граней, похожим на миниатюрный сруб колодца, уложенный параллельно поверхности грунта. Внутри него жестко висел искомый металлический брусок — сцента. Его точное назначение оставалось неизвестным, но одна из функций — хранение информации, поддавалась разгадке и некому подобию расшифровки, интерпретации на язык людей. Правда существовало три переводчика с языка Дисцентов и все три часто противоречили друг другу, предполагая различные толкования смысла содержимого, часто имеющие противоположные значения наборов символов, что извлекались из глубин памяти. Но множественное толкование не распространялось на числовые значения, получаемые из интерпретированных данных. Они четко давали представление о нахождении следующего Хранилища с поправкой на время их получения, точнее — время извлечения данных из сценты. Поэтому скорость перемещения к следующему имела решающее значение, ведь все звездные тела в галактике безостановочно перемещаются, и через год в месте выхода из ПП человечество могла ожидать лишь пустота космоса, холодная и безмолвная, как вечность.

Медленно пройдя по помещению, Корн остановился у сценты. Она висела в своем кубическом обрамлении — немая, холодная, исполненная скрытой силы. Ее металлический бок отражал скудные блики, будто удерживал в себе тысячи невысказанных историй, зашифрованных в невидимых глазу символах. Корн замер, всматриваясь в брусок. В этот миг пространство словно сузилось, сосредоточив все свое внимание на этом предмете. Казалось, сцента дышала — едва уловимо, на грани восприятия, — храня в своих недрах знания, способные изменить ход событий. Тишина сгустилась до плотности вязкого тумана, и в ней, как в глубине темного озера, мерцали отголоски неведомого мира — мира, чьи послания ждали, когда их прочтут.

— Программа изъятия, — отдал команду он.

Система корабля активировала программу изъятия сценты с Пьедестала Хранения. Работа программы отдаленно напоминала алгоритмы остановки древних носителей информации перед их отделением и изъятием из систем. Сцента медленно опустилась вниз и несмотря на то, что была сделана из металла, не издала ни единого звука при соприкосновении с поверхностью.

Корн взял увесистое приспособление древней расы и повернулся к выходу, предварительно поместив его в специально отведенный для этого случая крепеж на поясе костюма.

До зонда он добрался без каких-либо происшествий; закрыл контейнер и, поместив его в грузовой отсек, сам расположился в «пассажи́рском». Зонд поднялся вверх и, устремившись к выходу из рукотворного отверстия, быстро набрал приемлемую скорость, в два счета долетел до корабля и, замедлившись, влетел в свой ангар.

Корн легко извлек контейнер и пошел в multifunctionальное помещение корабля. Положив его в отведенное место, он снял сценту и как-то небрежно кинул на верстак. Та пару раз перекрутилась по ровной поверхности, не издав ни звука, и остановилась. Бездушный, безмолвный брусок породил в Корне отвращение, и оно нескрываяемо выразилось на его лице. Огромное количество жизней таких же, как он, людей — с теми же взглядами, переживаниями, надеждами — погубила погоня Ветвей вот за этими древними устройствами. Ветви считали, что ускоряют развитие всей цивилизации наличием конкуренции за сценты между собой, и не считались с жизнями тех, кто не вписался в их упорядоченный строй. Людей, которые, когда-то

покинули свои «материнские» Ветви в поисках свободы — как для тела, так и для мыслей; причем второе было куда более приоритетным.

Переодевшись, он взял бутылку воды и неспешно подошел к верстаку. Система направила корабль к точке перехода в ПП, и теперь Корну оставалось лишь ждать — предварительно выполнив все необходимые перед передачей заказчику манипуляции со сцентой. Присев на край верстака, он попил вкусную воду, рассеяно глядя на стену с закрепленными инструментами. Усталости не было — лишь предвкушение глубокого сна в ближайшее время, точнее «похмелья» после него. Его вновь занял вопрос о смысле существования и никак не желал отпустить. Мысли, уподобляясь птицам в замкнутом пространстве, бились о невидимые стены, не находя выхода. Корн сделал еще глоток воды, будто пытаясь уловить в тишине корабля ответ, но безмолвные стены не ответили, оставаясь монолитными свидетелями его постоянного поиска

Повернувшись к сценте, Корн поставил бутылку на край стола и надавил рукой на стену. Бесшумно открылась небольшая дверца. Он извлек плоское прямоугольное устройство с двумя толстыми проводами, тянущимися изнутри стены, и положил его на верстак. Сцента приятно охладила ладонь и после нескольких подбрасываний оказалась на вынутом устройстве.

Корн устало обратился к кораблю:

— Слепок памяти.

— Алгоритм активирован, — повиновался корабль.

Пока конструировался слепок информации из сценты — без взлома ее систем и взаимодействия с ее «внутренностями», — Корн допил воду и подготовил к отправке сообщение на Инитилс-4. В сообщении содержалось прошение о личной аудиенции у главы общества Перемт ввиду необходимости передать для расшифровки информацию, найденную на Игн. Оно было стандартным — как и формат передачи: через физический зашифрованный канал, тотчас же по выходу из ПП канала в системе физического расположения адресата.

Система корабля сообщила об успешном создании слепка и установке сообщения к отправке при выходе из ПП. Корн перешел в кабину управления и уселся в кресло, чтобы перепроверить маршрут и расчеты точек входа в ПП и выхода из него. Повторение работы, проделанной уже сотни раз, ни на мгновение не отвлекло его от мыслей, и в глубокий сон он уходил далеко не в лучшем расположении духа — если говорить точнее, в поисках сил и желания продолжать некогда начатое дело.

Глава 2

Планета Инитилс-4, 98-66-12, Серая Зона. Год 2052 от Разделения

Корабль вышел за границей системы в наиболее безопасном месте, и изменил курс, направившись к планете Инитилс-4.

Данная система оставалась единственно населенной в Серой и Глубокой Серой Зоне, находясь всего в неделе перемещения через ПП от сектора, принадлежащего Ветви Вивус — будто одинокий островок жизни на краю безмолвной и безжалостной пустыни.

Инитилс-4 располагался в Дальнем Рукаве около Дальнего Бара. По расчетам, планета занимала исключительное положение, в виду отсутствия близ нее аномалий и препятствий для перемещения через ПП. Хотя уже на некотором удалении к центру галактики никто не мог гарантировать спокойный и удачный полет.

Конкуренция Ветвей за сенты заставила их построить здесь кольца Нулевого Расстояния — нити мгновенного перемещения к своим столицам, а по договоренности с Некс и к их главной планете на Внешнем Рукаве. Нагрузку от последнего они поделили на двоих, имея общую заинтересованность в наличии рук, способных выполнить работу, на которую ни один из их представителей не согласится, ведь вероятность быть уничтоженным неизвестным объектом при выходе из ПП являлась далеко не погрешностью вычислений. И даже фанатичное стремление выбиться вперед в гонке за древними знаниями, не могло заставить руководство Ветвей Артифик и Вивус жертвовать своими верными членами, тем более что всегда находились смельчаки, выбравшие более свободное существование.

Корн открыл глаза и в его сознании вновь заговорил голос, пробуждавшийся при каждом выходе из глубокого сна. Первый же вопрос, заданный им: «Сколько еще раз тебе будет везти?» — не нашел ответа. Да и не мог найти. Корн знал: согласно теории вероятности, с учетом двух неизвестных выходов из ПП на задание, он давно уже должен был умереть, но будто сама Вселенная желала продолжения его жизни и работы, убирая смертельные препятствия, которые могли оказаться на его пути. Но сколько так еще могло продолжаться? Этот вопрос оставался открытым как дверь в темный коридор, где за каждым поворотом может ждать либо спасение, либо гибель.

Третий вопрос — «Для чего тебе это?» — парировался Корном уже не раз и сейчас обратного не произошло. Он был связан словом с главой Перемт, да и сам твердо верил в необходимость третьей силы в галактике, которая много мягче и слабее первых двух, и которой приходится брать свое хитростью и головой. Не вписавшиеся в Ветви Артифик и Вивус, тоже имели право на жизнь, и жизнь, достойную времени и места, поэтому работа Корна обеспечивала некое спокойствие для миллионов людей. Этим он и отвечал на желание своего сознания находиться в известности и безопасности, и заставлял его продолжать начатый труд, формально, на благо, хоть и не всего, но части человечества.

Войдя в кабину управления, Корн прыгнул в кресло и сразу подключился к кораблю. Он жаждал как можно скорее разделаться с «похмельем» после глубокого сна, хотя понимал, что оно отступит лишь по прошествии определенного времени, необходимого для восстановления организма.

Корн приступил к проверкам систем корабля. Уже тот факт, что он жив, говорил об их работоспособности, и возможности записать на свой счет еще один выход из ПП в несогласованном месте и в несогласованное время. Он мысленно добавил этот эпизод в свою «коробку прощений» от Вселенной — ту самую, что грозила лопнуть от переполненности в любой момент.

Он получил сообщение, и маску для корабля, которая на время переводила его из искателя древних знаний в пилота торгового судна. В сообщении предписывалось в определенном

месте активировать маску и получить разрешение на приземление. Затем, по прошествии двадцати двух часов, явиться к главе Перемт для передачи слепка и получения дальнейших указаний. Все было просто и не требовало его пристального внимания, поэтому он отключился от корабля и вернулся в каюту.

В указанном Перемт месте система корабля активировала пересланную в сообщении маску и вышла на связь с Инитилс-4, получив указания по приземлению. Корн даже не обратил на это внимания, составляя в голове план времяпрепровождения на неопределенный период, который его ожидал перед следующим заданием. Но его прервал незванный гость — в динамиках зазвучал уже слышанный ранее голос представителя Доминис, который и передал ему координаты Хранилища на Игн.

— Корн Ронд Селезиум, следуй переданному курсу на орбиту Инитилс-7. — В интонации, с которой произносил эти слова представитель Доминис, звучали нескрываемые повелительные нотки, что было необычно, как и сам факт, что его смогли обнаружить сразу после выхода.

Резко встав с койки, Корн быстро прошел в кабину управления и подключился к кораблю. На ходу он перебирал в голове причины, по которым Доминис так желал получить сцену сразу после его выхода из ПП; прикидывал способы, которыми его могли обнаружить, и просчитывал исходы происходящего с ним здесь и сейчас. Придя к выводу о небезопасности следования на орбиту Инитилс-7, он активировал поле преломления и увеличил мощность движительной установки до максимума.

— Корн Ронд Селезиум, следуй переданному курсу и перестань принимать необдуманные решения. Тебе никоим образом не скрыться от нас.

Корн не видел сканерами корабль, с которого передается сигнал. А значит, тот находился под полем преломления. Сей факт говорил о том, что его соперник явно лучше подготовлен к текущей ситуации, и каким-то образом может видеть корабль Корна. Вот только представитель Доминис и его команда не могли знать, что перед ними судно, обладающее одной из самых высоких внутрисистемных скоростей разгона. Корн же, в свою очередь, отлично это осознавал и поэтому на связь не вышел. Он также понимал, что ничего они с ним не сделают, передача сцены состоится на Инитилс-4, как и было обговорено ранее. Если Доминис перестанет давать ему задания — значит на то воля Вселенной, и он собирается ее исполнять, ибо сундук с прощаниями от нее знатно полегчал, и недалек день, когда полностью исчерпается его содержимое.

Под гневные предостережения представителя Доминис корабль Корна все увеличивал скорость, вероятнее всего уходя от преследователей к Инитилс-4. Никогда ранее Корн не попадал в подобные ситуации и не слышал от других искателей даже отдаленно напоминающее происходящее с ним здесь и сейчас. Теперь его тревожила возможность каких-либо происшествий на Инитилс-4, хотя он и понимал, что это будет расценено Ветвями Вивус и Некс, как нарушение договоров и приведет к наложению на Ветвь Артифик наказания. Он пытался перестать думать о произошедшем, но не мог. Весь полет Корн просидел в кресле, рисуя в голове красочные и не очень варианты событий недалекого будущего.

Когда корабль сбросил скорость и уже был на подлете к Инитилс-4, Корн по закрытому каналу передал зашифрованное сообщение главе Перемт, в котором содержалось подробное описание произошедшего с ним события и данные с систем корабля, а также просьба выйти с ним на связь, как только появится возможность. Глава ответил еще до его приземления, и своим сообщением развеял тревогу. Он утверждал, что на Инитилс-4 ему ничего не может угрожать, ведь нарушение трехстороннего договора невозможно. Кроме того, глава пообещал в краткий срок разобраться с полученными данными и, если возникнет необходимость — направит главам Перемт и Доминис приглашения на личную встречу для урегулирования инцидента.

Выведя изображение с наружных камер на экран перед собой, Корну в глаза бросилась голубая планета, что быстро увеличивалась и вскоре закрыла весь обзор. Инитилс-4 относи-

лась к классу обитаемых миров и подклассу водных. Соленая вода покрывала восемьдесят процентов ее поверхности, горы — десять; оставшееся пространство занимали предгорья и побережья. Разнообразная жизнь здесь бурлила и до человека, и после его прихода не останавливалась, выплескиваясь диковинными «растениями» и разнообразными «животными», как на суше, так и в воде. Этот водный мир являлся редкой жемчужиной не только из-за своего положения, но и из-за наполнения. Человечество открыло немало водных миров, но Инитилс-4 оставался единственным, где сложились условия для зарождения жизни, хотя в разумную — по классификации людей — она так и не переросла.

Время уничтожения жизни прошло, и теперь человек берег живые миры как собственное тело, осознавая, что жизнь в космосе есть лишь некое подобие настоящей, ведь ощущение искусственности всего и вся подавить крайне сложно, хотя и возможно. Ветвь Артифик именно этим и занималась последние две тысячи лет и можно без тени сарказма утверждать, что преуспела в данном вопросе. Но какой ценой? То уже были не люди, точнее люди без своего тела. Представители Ветви Артифик свято верили, что наше тело лишь промежуточная оболочка для нас самих, а сами мы — только наш мозг. К тому же оказалось, что человек растет гораздо быстрее, если выращивать только мозг, а еще быстрее, если отсечь от развития «бесполезные» составляющие этого самого мозга, которые вследствие отсутствия тела, итак, функционировать не будут. Но некий период «детства» у них все еще присутствовал, ведь вырастить полностью созревший и нормально функционирующий человеческий мозг оказалось им не под силу. Пока не под силу.

Ветвь Вивус вела в этом направлении некоторые исследования и вроде как добилаь определенного прогресса, но как только об их существовании стало известно Ветви Артифик, им пришлось свернуть все исследования и передать наработки. И по сей день Ветвь Артифик не смогла перебороть скорость развития эмбриона в полноценного человека, и поэтому проигрывала Ветви Вивус в численности, но закон перехода количества в качество здесь применять было неуместно. Ветвь Артифик брала интеллектом, ведь их алгоритмы модификации были более совершенны и, как следствие, приводили к лучшим результатам. Ветви человечества сохраняли своеобразный паритет в объеме знаний, но прогресс не останавливался, подгоняемый фанатичным желанием обеих сторон вырваться вперед.

Корабль по дуге опускался все ниже и ниже, и на горизонте показались горы. Пока они были еще где-то далеко, но неумолимо увеличивались в размерах, в конечном итоге показав свои белые шапки и рваные склоны. Корн уже видел множество других кораблей, стекавшихся к посадочным площадкам со всей галактики. Мелкие суда могли приземляться и на выносках зданий и их крыш, тогда как крупные грузовики находили точку опоры только на площадках космодрома.

Корабль Корна держал курс немного за границу города, и тот смог наблюдать все великолепие человеческой мысли почти невооруженным взглядом. Высокие здания устремлялись вверх, уменьшаясь к вершине, и так плотно прилегали друг к другу, что казалось, соседнее можно было достать прямо из окна. На то была причина — дефицит пригодной для застройки территории на планете. Теперь он находился примерно в центре, и острые шпили, считай, моментально сменяли друг друга. На посадочных площадках виднелись прохаживающиеся люди и стоящие средства передвижения по воздуху. Двери пропускали группы и одиночек внутрь зданий и тут же закрывались, а раскаленное полуденное солнце заливало весь этот городской пейзаж ливнем ярчайших лучей, отражавшихся от глянцевых поверхностей. Город жил полной жизнью даже в этот горячий час.

Резко набрав высоту, корабль перемахнул через первую гряду гор и по спирали опустился на невысокое, но занимающее большую площадь строение. Корн встал, ощущая радость оттого, что его тело стало пленником естественной гравитации планеты, а легкие наполнились естественным воздухом. Так как он по рождению принадлежал к Ветви Вивус, то подобные чувства

после долгого нахождения в космосе вызывали в нем некое состояние эйфории, предельного счастья. Тем самым отыгрывались глубинные чувства человека, которого природа создала для условий, явно рознящихся с теми в которых ему зачастую приходилось существовать сейчас.

Глубокий сон был необходим как спасение мозга и тела при переходе в ПП канал и перемещении через него, а также нивелировал негативные воздействия безделья, в которое экипаж корабля мог впасть зачастую на длительный срок. И хотя мозг мог быть обманут краткосрочным воздействием искусственности окружающего пространства, тело на этот обман не поддавалось. Оно отзывалось счастьем после возвращения к естественным для него воздействиям, сигнализируя об этом мозгу, который и радовался, заливая себя гормонами.

Захватив с собой сценту, Корн покинул корабль. Слабый свежий ветер обласкал лицо, а солнце ударило в лысую голову. Сделав медленный глубокий вдох, он не менее медленно выдохнул. Лицо расплылось в улыбке, а итак, приподнятое возвращением на твердую почву настроение взлетело до небес. Он даже на время позабыл об инциденте с представителем Доминис, но до того момента пока не вошел в здание. Странность произошедшего события вновь затуманила взгляд, заставив сознание прокручивать его причины снова и снова, пытаясь отсеять невысказанное от невероятного, а оставшееся пропустить через фильтр адекватности и возможности.

Часть приближенных к главе Перемт искателей проживала в этом здании, скрываясь среди ученых, что исследовали Инитилс-4. Искатели жили на верхнем этаже и маскировались под обслуживающий инженерный персонал. Им, конечно, не было нужды скрываться от Ветвей, ведь работали они напрямую с их представителями, но то, что они состояли в обществе Перемт, — знание запретное, ведь тогда Ветви не стали бы их нанимать, а следовательно, Перемт не получал бы информации со сцент. Поэтому их личности подделывались и часто менялись, хотя место проживания оставалось неизменным. Доминис и Мовер старались проверять тех, кого нанимают, но получалось у них это плохо, ведь в девяноста девяти случаях из ста за сцентами отправлялись представители Ветви Некс, состоявшие в Перемт.

Комната Корна находилась на втором этаже, то есть предпоследнем от земли. Спустившись по широкой лестнице, он прошел по коридору и завернул в открывшуюся дверь. Комната была стерильна и словно никогда не носила на своем теле следов присутствия человека. Стерильность убранства подчеркивал интерьерный минимализм: стол, стул, кровать, и дверь в уборную, совмещенную с небольшой гардеробной.

Сбросив ботинки, Корн прыжком переместил тело в горизонтальное положение на кровати, и его лицо расплылось в блаженстве от отдыха в естественной гравитации. Этот ритуал он проделывал всегда по возвращении с задания, не нарушив традицию и сейчас. Медленно отсчитывая от десяти в обратном порядке, он забылся сном, даже не дойдя до пяти.

Через час он проснулся и первым делом снял все ограничения на контакт с внешним миром. Лежа на кровати, он пролистывал в голове новости со всей галактики: пробегался по заголовкам, выискивая что-либо интересное, но отсутствовал он не так уж и долго — ничего значимого не произошло. Ответив на несколько сообщений, он маякнул своему товарищу Келлогу о том, что вернулся и хочет с ним пообщаться. Келлог откликнулся сразу. В дополненной реальности рядом с кроватью появился высокий мужчина и приветливо улыбнулся.

— Быстро, — лишь сказал он.

— Не сложно, — сказал Корн.

Келлог еще более расплылся в улыбке и сказал:

— Я жду тебя в семь в «Катерине».

— В восемь. В семь буду занят. Кто на планете?

— Пара человек найдется, — ответил Келлог.

— Зови. Есть что рассказать.

— Ты побежал? — с интересом спросил Келлог.

— Да, все — вечером, — ответил Корн.

Келлог кивнул, и его проекция исчезла, оставив на месте себя лишь пустой пол.

Быстро собравшись, Корн поднялся на корабль и через несколько минут уже приземлялся на выносной площадке одной из башен.

Встав с кресла, он медленно направился к выходу.

Только показавшись снаружи, Корн ощутил сильный удар теплого ветра — будто тот хотел запихнуть искателя обратно в его второй дом. В ветре чувствовался запах близлежащего моря и смесь ароматов «цветов», заполонивших предгорья, свободные от человеческих строений. Некоторое время Корн стоял, наслаждаясь ветром, а затем прошел внутрь здания.

Пара человек ожидала лифт, но Корну был необходим соседний, тот, что вел глубоко под здание, напрямик в расположение Перемт. Пройдя мимо ожидающих мужчин, он остановился у серебряной двери кабины лифта и мысленно авторизовался. Система защиты уведомила его о проверке прав доступа, а следом об успешной авторизации. Затем поблагодарила за работу и поздравила с успешным выполнением задания, хотя его полное окончание еще не произошло.

Дверь раскрылась, впуслав Корна в просторную кабину лифта, а затем заперла его в серебряной клетке. Он не чувствовал скорости, но телом ощущал резкое увеличение атмосферного давления и тем самым понимал, что уже находится под зданием, опускаясь все ниже и ниже.

Перемт являлся для Ветви Некс тем же, чем Доминис для Ветви Артифик и Мовер для Ветви Вивус — обществом, выполняющим функцию «под и над» управления сообществом людей. То, что нельзя было проворачивать официально, либо по каким-то причинам не желали «засвечивать», исполняли представители этих обществ. Глава Перемт не светился в официальном управлении Ветвью Некс, но его слово равнялось, а в каких-то вопросах и перевешивало слово верховного руководителя Ветви. А Корну посчастливилось (или не очень) быть его правой рукой в решении определенного круга задач, далеко не ограничивающегося поиском сцент. Вот и сейчас Корн направлялся к своему непосредственному руководителю с докладом об успешном выполнении контракта и в ожидании следующей задачи.

Лифт остановился, но кабина не открылась. Небольшой квадрат на стене слева от Корна резко повис на одной грани, обнажив небольшую клавиатуру. Символы на ней более походили на рисунки — точнее, на иероглифы древних языков, — чем на численно-буквенные обозначение, принятые к всеобщему использованию после Разделения. Корн ввел длинный пароль, и квадрат вернулся на свое место, а на гладкой стене не осталось и намека на его недавнее присутствие. Лифт двинулся, но уже не по вертикали, а по горизонтали. Ощутить перемещение Корн не мог, однако знал это. Мысленно он прогонял доклад и вопросы, которые необходимо задать главе Перемт, а также те, на которые, возможно, предстоит ответить самому. Он не волновался — будучи одним из приближенных, — но все-таки некое чувство ранга, заставляло его собраться, дабы не отнимать много времени у крайне занятого и уважаемого человека.

Лифт плавно замер, и двери разошлись в стороны, выпустив Корна в просторный вестибюль, выполненный в темных тонах, с множеством вкраплений оранжевого. Воздух тут был каким-то особенным: плотным, прохладным, с едва уловимым металлическим привкусом — явным признаком специфически настроенных систем жизнеобеспечения. Корн прошел вперед и остановился около крупного мужчины, стоящего у кабины глубокого сканирования.

— Запрещенные предметы? — спросил тот низким грубоватым голосом.

— Нет, — быстро ответил Корн и легко, почти непринужденно улыбнулся. Все его естество выражало уверенность уже не единожды проделываемого действия.

— Проходи, — произнес он, поворачиваясь левым боком. В этом движении проскользнула едва уловимая мягкость — будто он пытался скрыть улыбку, пряча ее за строгостью позы. Но Корн заметил: в уголках глаз охранника промелькнуло что-то теплое, почти дружеское.

Корн прошел внутрь кабины и остановился. Двери герметично закрылись, изолировав его от внешнего мира, а система запустила глубокое сканирование в поисках запрещенных материальных и нематериальных предметов. Корн ощутил, как к его голове дистанционно подключились и неплохо ее нагрузили, активировав алгоритм сканирования. Он улыбнулся, зная, каким образом его обходить, ведь проделывал такое ни один раз.

Пройдя в кабинет главы, Корн остановился в паре шагов от двери и стал ожидать приглашения. В десяти метрах от него сидел далеко немолодой мужчина. Со стороны могло показаться, что он погружен в сон: веки опущены, дыхание ровное, лицо — маска безмятежности. Но Корн знал: глава в этот общается миг с кем-то по защищенному каналу, и нужно подождать, пока разговор не завершится и тот не вернется к реальности. Не теряя времени зря, он прогнал в голове встречу с представителем Доминис, вспоминая все слова, действия и каждую деталь, готовясь ответить на любой вопрос главы. Мужчина перед ним открыл глаза и ту же улыбнулся. Встав, он сложил руки за спиной, приподнял тупой подбородок (не высокомерно, но с легкой властной ноткой) и подошел к Корну. По древнему обычаю приветствия глава протянул ему ладонь правой руки. Корн в свою очередь, уверенно, но несильно сжал ее своей, слегка улыбувшись уголками губ.

— Рад тебя видеть, — произнес мужчина, и в его голосе, глубоком и ровном, прозвучала неподдельная уверенность. Он ненадолго замолчал — не для паузы, а словно давая словам осесть в воздухе, — затем мягко добавил: — Присядем? — и жестом указал на кресло напротив.

Движения, которые он совершал, были четкими и неторопливыми: ни суеты, ни лишних жестикующий. Его производное от Ветви Вивус тело все еще наполнялось энергией молодости, хотя лицо предательски выдавало возраст. Корн знал, что глава уже очень стар, что давно перешагнул черту, за которой большинство людей угасает. Но ум его оставался острым, отточенным веками, а план — тот самый, которому общество следовало уже более тысячи лет, — исполнялся им с непоколебимой точностью исправного часового механизма.

Корн сел по левую от главы руку и стал ждать вопросов. На него уставились две пары светлых глаз, уже через мгновение подвернувшихся некой пеленой, будто взгляд главы начал скользить сквозь реальность, разрывая ткань настоящего. Глава оставался в настоящем, но часть его шагала в будущее, в то время как остаток сознания прокручивал прошлое. Так продолжалось некоторое время, затем пелена в глазах главы дрогнула и рассеялась. Взгляд вновь обрел резкость, с почти пугающей ясностью фокусируясь на Корне.

— Слепок получен без ошибок? — спросил он.

— Да, глава Конциус, — ответил Корн.

— Расскажи про инцидент с представителем Доминис, который нанял тебя на задание, — негромко, почти шепотом, произнес глава Конциус. Это была именно просьба: в его голосе отсутствовал даже намек на приказ.

Корн выдержал паузу — ровно столько, чтобы собрать разрозненные мысли в стройную мозаику фактов, — и приступил к медленному рассказу. Глава Конциус внимательно выслушал, затем встал и прошелся по кабинету, давая себе время на размышление.

— Это явный выход за рамки договора о невмешательстве, — вдруг сказал он и присел на свое кресло. — Но причину столь странного и в то же время, вроде как, отчаянного поступка мы узнаем лишь тогда, когда расшифруем слепок. Ты правильно поступил, не поддавшись на его призывы, а еще один твой верный поступок — модернизация корабля. Келлог доложил мне о ней, и теперь я вижу, что ты предвидел некие сложности в будущем.

Корн улыбнулся, но не от похвалы, а от самих слов о предвидении будущего. Глава Конциус ответил веселым взглядом.

— О, это далеко не про мистические способности, — произнес он, — а лишь констатация перехода количества опыта в качество мыслительных процессов в твоей голове. Ты составил

некий логический ряд, который и привел тебя к мысли о необходимости более современного инструмента для выполнения возложенного на тебя бремени.

Корн кивнул и задал вопрос:

— Представитель Доминис собирался меня захватить?

Глава Конциус медленно провел ладонью по столешнице, словно ощупывал невидимые трещины в реальности. Его взгляд на мгновение затуманился, будто он сверялся с незримой картой событий.

— Не могу точно ответить на данный вопрос, — произнес он наконец, — но есть некая уверенность, что с тобой собирались сделать нечто большее.

— Они знают, кто я? — быстро спросил Корн, и в голосе прозвучала нотка тревоги.

— Нет, они желали только подстраховаться, — ответил глава Конциус. — Слепок сценты, что ты хранишь в себе, вероятно, содержит последние ключи к разгадке Дисцентов, и от этого твои действия становятся еще вернее.

Он сделал короткую паузу, затем продолжил:

— Думается мне, представитель Доминис не стал бы возиться с очисткой сознания. Им известно, что даже при их уровне развития взаимодействия головного мозга с электронными системами, нейронные связи не разрываются, а имея ключ записи, возможно восстановления любого уровня памяти.

— Но не мог же он меня... — Корн замаялся, силясь произнести это слово, — убить.

— Это я и предполагаю, — твердо ответил глава Конциус.

— Но как обойти запрет? Или они настолько отошли от договора, что не устанавливают его на уровне модификации эмбриона? — удивленно спросил Корн. Он, конечно, рассчитывал на интересный разговор, но, чтобы до такой степени... Нет, даже в самых мрачных предположениях он не заходил так далеко.

— Нет, в этом не сомневайся. Смотри немного под другим углом, — произнес он и замолчал, будто давая Корну возможность подумать.

— Убить себя и меня? Точнее себя убить, а я лишь жертва несчастного случая?

Корн видел, как губы главы Конциуса дернулись, будто желая улыбнуться.

— Да, именно это я и предполагаю. А вот зачем... — он сделал паузу, — мы скоро узнаем.

Глава Конциус встал и, обойдя стол, подошел к Корну сзади. Тот немного опустил голову, оголив разъем непосредственного соединения у себя на шее. Теплая рука коснулась его кожи на шее, и в следующую секунду Корн ощутил соединение — легкий электрический импульс пробежал по позвоночнику.

— Вот и все, — тихо произнес глава. — Через некоторое время перед нами рассеется туман неизвестности, и, возможно, окончательно сложит картину далекого прошлого нашей галактики, и нашей следующей цели.

Глава 3

Планета Инитилс-4, 98-66-12, Серая Зона. Год 2052 от Разделения

Поднявшись на борт своего корабля, Корн застыл в полумраке кабины управления — одинокая фигура в океане безмолвия. Он опустил в кресло, но не расслабился, а словно окаменел, погрузившись в водоворот мыслей. В голове снова и снова прокручивался разговор с главой Конциусом, каждое слово звучало эхом, отскакивая от стенок сознания, будто пытаясь пробить брешь в привычной для него картине мира. Его беспокоили слова о возможности его смерти, точнее о наличии у Доминис планов по его ликвидации. В мироустройстве Корна жизнь являла собой, не просто биологический процесс, а если не священную (на манер религиозий прошлого), то приближающуюся к таковому статусу сущность, требующую почтительного отношения к себе и невмешательства к ее нахождению в этой Вселенной со стороны внешних, разумных сил. Слова же о кульминации вековых поисков сцент Дисцентов понимались им наполовину, а принимались лишь на треть. Точнее, он соглашался с ними на треть.

Глава Перемт не раз разъяснял ему позиции обществ по отношению к знаниям древних, но Корн всегда внутренне протестовал, не принимая всерьез желание некоторых представителей цивилизации следовать по пути Дисцентов. Он не видел смысла в этом, ведь речь шла о разных цивилизациях, а значит, и пути развития у них различные. Корн соглашался с необходимостью поиска древних знаний лишь в плоскости ускорения научно-технического прогресса. В этом смысле сцент действительно оказались бесценны: множество технологий было получено именно из них. Взять хотя бы Нулевое Расстояние, позволившее еще прочнее связать галактику в единую, неразрывную сеть. Оно сократило космические дистанции до мига, превратило далекие звезды в ближайших соседей. Для Корна сцент являлись инструментом, и в них он не видел ни откровений, ни путеводной звезды, лишь осколки прошлого — наполнение которых можно и нужно использовать, но только после тщательного фильтрации.

Более чем Мовер и Перемт, в отношении к прошлому галактики, Корна тревожили Доминис. Эти техно-фанатики с почти религиозным рвением настаивали на необходимости безоговорочного следования знаниям Дисцентов. Однако этот путь был лишь их вариантом расшифровки информации со сцент и не существовал в законченном виде. Представители Доминис были уверены, что Дисценты перешли на некий следующий уровень существования, предполагающий соединение миллиардов сознаний в единое целое, переходящее во вселенский масштаб. Их вера — а другого слова для этого Корн не находил — основывалась на обрывочных сведениях из первых сцент, где говорилось о некоем устройстве, способном заставить сознания работать параллельно, соединив их в прочную сеть. Подробностей о работе этого чуда там не приводилось, но Доминис сделали вывод: Дисценты масштабировали его до галактических масштабов и соединили всех и вся из своего числа, получив сущность следующего уровня, перешагнув предел индивидуальной идентичности и получив в конечном итоге сверхразум. Последнее буквально и ставилось целью существования Доминис, материализовываясь в попытках модифицировать человека в данном направлении, тем самым подготовив и ускорив переход, рывок в будущее всего человечества. Но исследования в этом направлении стояли на месте, прокручиваясь на оси невозможности соединения сознаний на текущем уровне технологий. Либо так думали все — кроме Доминис...

Корн отнес странное поведение представителя Доминис к предположительному нахождению некоего пояснения по конструкции данного соединения, содержащегося в последней найденной им сценте. Однако желание уничтожить человека, основывающееся лишь на предположении обладания им знанием, — возможно, совершенно иным, не являющемся искомым, — не вязалось в его сознании со временем, в котором ему удосужилось жить и с теми нормами морали, которые закладывались в человека до и после его рождения. Необходимость такого

шага представляла собой точку далеко за гранью окружности, вмещающей все мировосприятие Корна.

Корабль резко взлетел вверх и через несколько минут не менее резко опустился на другую площадку. Солнце уже скрылось за горизонтом, и серое небо постепенно становилось черным, давая звездам возможность показать свой истинно древний свет наблюдателям на поверхности Инитил-4, которые ловили их призрачные лучи, словно пытаясь прочесть в них забытые послания Вселенной.

Лифт опустил Корна на нижние уровни. В дверях его встретили Келлог и Рафаил.

— И что так долго? — спросил Келлог и широко улыбнулся.

— Прямой канал забронирован на четыре часа. Как прошло? — поинтересовался Рафаил. Его светло-голубые глаза, казалось, излучали мягкий свет и приветливо улыбались товарищу.

— С его кораблем ему бояться нечего, — сказал Келлог и подошел к Корну. Он положил руку ему на плечо и уверенно повел вперед.

— Да я про главу Конциуса. Отдых? — спросил Рафаил; в его голосе звучала неподдельная заинтересованность.

— Временный. Отлично все прошло, — ответил Корн, замечая, как в глазах друзей разгорается живой огонь любопытства. — Как только окажемся в изолированном пространстве, я все подробно вам расскажу.

— А другого выбора у тебя и нет! Нас двое, а Рафаил сильнее нас с тобой вместе взятых, — сказал Келлог, кивнув на Рафаила.

— А на вид не скажешь! — весело воскликнул Корн.

— Жилистый он просто, да к тому же жутко ловкий! — сказал Келлог.

— Возможно, если бы не мои моральные принципы... — не договорил Рафаил.

— Да-да, все это мне известно! С нами будет еще один, — сказал Келлог.

— Кто? — Корн невольно напрягся, и в его взгляде промелькнуло легкое замешательство.

— Мирор, — коротко бросил Рафаил, не желая играть в загадки.

— Опять ты? Можно было, и подумать его заставить! — сказал наигранно-раздраженно Келлог.

— Он провалился в глубоком сне почти месяц! Думать пока нечем, — парировал Рафаил с невозмутимой усмешкой.

— Ты начинаешь производить впечатление человека, который вдруг осознал наличие мозга в своей голове, и делает постепенные, подчеркиваю: медленные, шаги к его освоению, — изрек Келлог с напускной серьезностью.

За этими словами последовал взрыв смеха.

Они оказались в небольшой комнате с пятью креслами. Стены сужали пространство своей чернотой и будто давили на голову. Келлог присел первым, а по обе стороны от него расположились остальные.

— Мирор будет через час. Окон не нашлось раньше — он все-таки в столице, а там линий на всех не хватает, — сказал Келлог.

— Точнее, не хватает вычислительных мощностей для дешифровки и распознавания, — уверенно произнес Рафаил.

— Это все сказки! — запротестовал Келлог. Этот спор они вели не в первый раз: начинали, обрывали, возвращались к нему снова, но каждый неизменно оставался при своем мнении, как два неприступных утеса, разделенных бурным потоком горной реки.

— Доминис пишут и читают все, и если ты не желаешь принять сей факт как данность, то мне тебя жаль! — голос Рафаила звучал четко и уверенно, словно он ни один раз прокрутил в голове эту реплику.

— О! Прямо все?! — Келлог усмехнулся, и в его глазах вспыхнули озорные искорки.

— Все, что их алгоритмы находят интересным, — невозмутимо уточнил Рафаил.

— Ну, тогда наш треп им будет не интересен, — бросил Корн и откинулся на кресло. Он сразу почувствовал проникновение в его разъем непосредственного соединения тонкой нити. Мгновение — и его сознание растворилось в сети, устремившись в бескрайний цифровой океан, где мысли становились сигналами, а реальность — кодом.

Корн осознал себя далеко не там, где он надеялся оказаться. Массивное тело представителя Доминис, который немногим ранее желал уничтожить и себя, и Корна, нависло над ним и с неподдельным интересом вглядывалось в лицо искателя. Яркий свет пронизывал пустое серое помещение, и казалось, что светится весь потолок, выжигая даже намек на тень.

— Добрый день, — прозвучал низкий голос, а губы представителя Доминис расплылись в улыбке. — Мы не займем много твоего времени, а лишь убедимся в отсутствии слепка в твоей голове. Стоит расслабиться — и все пройдет быстро.

— Что это?.. — недоумевая, выдавил из себя Корн, бросая в разные стороны единственно свободную часть тела — голову.

— Не волнуйся. Все, что ты сейчас видишь, ты забудешь и со спокойной душой будешь продолжать жить и работать, но только не с нами. Да тебе это и так было понятно. Не сопротивляйся! — продолжил представитель Доминис, и в его тоне проскользнула едва уловимая насмешка, а последнее слово прозвучало властно.

Сознание Корна помутилось. Навалилась тошнота. Никогда еще в его жизни тело не испытывало настолько сильных болевых ощущений и такого интенсивного помутнения рассудка. Производное от Ветви Вивус, оно могло выдержать многое и само гасило чувствительность в определенных ситуациях и состояниях, но сейчас его словно било накатывающими штормовыми волнами, и каждая последующая, с все возрастающей мощностью, прижимала его тело к креслу, сковывая сознание глубинным, ледяным страхом, проникающим до самых костей.

— Чем больше ты сопротивляешься, тем больше страдаешь, — произнес представитель Доминис с легким раздражением. — И тем самым лишь удлиняешь процесс.

Сейчас Корн многое бы отдал за возможность перестать сопротивляться, ведь после последней волны, в голову будто всадили иглу. На мгновение время остановилось — а затем сознание медленно истлело, растворяясь в бездонной пустоте, унося с собой последние обрывки мыслей и воспоминаний.

Корн очнулся в просторной комнате с большими красными диванами по периметру, мягким желтым светом и черными стенами.

— Ты что так долго? — поинтересовался Келлог, сидевший по правую от него руку.

— Я вроде раньше вас зашел, — удивленно ответил Корн, не помнивший встречи с представителем Доминис.

— А его дольше, чем нас, сканировали. Он же только с задания. Если голова завтра будет побаливать, то тебя почистили. Не волнуйся, ничего не повредили. Процедура почти безвредная, тем более почти все можно восстановить нашими силами, — сказал Рафаил.

— Опять? — обратился Келлог к Рафаилу и выпучил глаза. Он сидел — даже скорее лежал — слева от Корна.

— Так я с ними еще не встречался, и ничего не передавал, — возмутился Корн, перейдя на сторону Келлога в этом диалоге.

— Ты передашь сценту, а не почищенный Доминис слепок можно частично восстановить, если, например, Мовер каким-либо образом на тебя выйдет. И ты будь уверен: если бы они не знали, как заполучать слепки более приемлемым с точки зрения морали способом, то

не гнушались бы и похищениями. Они все фанатики, самые фанатичные из фанатичных, — сказал Рафаил.

— Все, давайте на сегодня закроем эту тему, — резко бросил Корн.

— Я согласен. Вперед! — воскликнул Келлог и резко встал. Его черный костюм в мгновение стал будто из магмы и загорелся.

Корн в голос рассмеялся, а Рафаил покачал головой. Келлог вернул костюм к первоначальному состоянию и повернулся к товарищам.

— Подъем! Надо прогуляться, — сказал он.

— Подожди, еще с Мирором не связались, — погасил его пыл Рафаил.

— Корн, твой выход, — Келлог провел рукой, будто пропуская товарища вперед.

— Нет! — резко произнес Рафаил. — Он только с задания.

Келлог закатил глаза, а Корн лишь улыбнулся.

— Мирор ждет, — сказал Рафаил через несколько секунд.

— Сейчас мы закажем криптоком канал. Посмотри, есть рядом с ним изолированное место? — обратился Корн к Рафаилу.

— Где же ты, старина, плавал, раз можешь себе позволить зашифрованный канал на Таурис-5? — почти шепотом спросил Рафаил, немного наклонив голову вперед.

— Что он там забыл? — с неким страхом спросил Корн и поерзал на диване, будто тот подогрели изнутри.

Келлог бросил на него долгий, испытующий взгляд. В этом молчании уместилось все: недосказанность, подозрение, молчаливое понимание. Он не произнес ни слова, но оба — Корн и Рафаил — уловили мысль, промелькнувшую в его глазах.

— Ты сможешь Таурис-5 посетить? — наконец спросил Келлог. В его голосе прозвучала не столько вопросительная интонация, сколько желание услышать положительный ответ и некая поддержка, понимание того момента, в котором его товарищ плавал, как рыба в пока еще прохладной, но постепенно нагревающейся воде.

— Да, думаю, да, — ответил Корн с едва заметным колебанием. Его пальцы на мгновение сжались в замок, затем расслабились.

— Я пока не до конца понимаю, что происходит, но Мирор может и к нам подключиться. Просто это вызовет подозре... — начал Рафаил, но его оборвали на полуслове.

— Подожди, — остановил его Келлог.

Рафаил был самым молодым из них, и это читалось не только в чертах лица, но и в порывистости движений, в горячности, с которой он бросался в разговор. Вероятно, он действительно не осознавал всей серьезности ситуации.

Келлог присел на диван — не резко, а с нарочитой медлительностью, будто каждое движение требовало усилий. Он обвел взглядом товарищей, задержавшись на каждом по очереди, словно пытался запечатлеть их образы перед чем-то неизбежным.

— Сейчас мы переместимся на Таурис-5, и найдем изолированное место, а пока даже думать перестаньте про этот разговор.

Корн улыбнулся — не широко, а лишь краешком губ, — вспомнив, как некоторое время назад Келлог с пеной у рта утверждал, что никто не слушает и не читает комдист-каналы связи. Это не укрылось ни от одного из товарищей: Рафаил вопросительно поднял брови, его взгляд метнулся от Корна к Келлогу, словно он пытался уловить недосказанное.

— Вот как выйдем отсюда, так и обсудим это все, — серьезно сказал Келлог, голосом давая понять, что сейчас не время для дружеской перепалки.

— Канал активирован, место найдено. У нас будет сорок две минуты под криптоком протоколом. Больше окон на ближайшее время нет, — серьезно произнес Корн.

Корн, было, подумал, что сейчас перемещаться так близко к «логову» Доминис, хоть и только сознанием, не есть умная мысль, но тот факт, что Мирор, так же, как и они, прибли-

женный к главе Перемт, оторвал ее. Мирора необходимо предупредить о том, что произошло в системе Инитилс, и лучше это сделать лично, ведь на Таурис-5 он явно не с туристическими помыслами. Тем более в галактике не существовало человека, способного создать более безопасные соединения — хоть куда и с любой целью, — чем Мирор.

Не томя судьбу, они переместились к точке входа, недалеко от места встречи с Мирором. Серое помещение встретило товарищей пустотой, а дверь тихо скрипнула, открывшись и впус- тив внутрь жар города.

— Терпеть не могу города Артифик. Да и Инитилс-4 тоже планетка так себе — одни высотки, — с нескрываемым отвращением произнес Келлог, когда они вышли наружу.

Его тело, производное от Ветви Вивус, стремилось к открытым зеленым пространствам, а не к стесненным условиям жизни Инитилс-4 и Артифик. Формально большую часть свобод- ной жизни он провел не на Инитилс-4, а на небольшой планете Вивен-5 в дальнем секторе Внешнего Рукава, пока глава Конциус не «перевел» его из свободных искателей в свободных искателей с обязанностями. Он, естественно, сопротивлялся, как мог, но глава Конциус обла- дал даром убеждения и бесконечным источником баллов, которые, к слову, применял лишь по прямому назначению — во благо человечества — и ни один раз не был замечен в каких- либо асоциальных проступках. Келлогу пришлось пробыть на Инитилс-4 в ожидании задания больше года, и лишь к исходу этого периода отвращение к тесноте и высоте местного образа жизни сошло на нет, сменившись осознанием отличной мобильности при таком существова- нии и пониманием причин столь плотной застройки. Но там строения обладали цветом и раз- личались формами, а на планетах Ветви Артифик какое-либо разнообразие отсутствовало как класс.

Темно-серые фундаменты высочайших строений, навалились на троицу всеми своими монументальными тушами — будто нависшие над головой скалы ущелий, прибывающие пут- ников к земле и заставляющие ощущать себя лишь букашкой в этом исполинском мире. Затх- лый воздух поверхности, редко получающей солнечные лучи, ударил в нос, и некоторое время раздражал слизистую оболочку, пока мозг не привык к его постоянному присутствию. Про- странство заполняли различные звуки — доносящиеся и с высоты, и откуда-то из глубины. Ветвь Артифик строила свои места обитания компактно, стараясь эффективно использовать каждый квадратный метр поверхности, отвоеванной у планеты, поэтому вновь прибывшего поражали не только высота зданий, но и глубина, которые часто шли нос к носу в гонке за пре- восходство, отличаясь лишь знаком. Ветвь пользовалась теплом недр и холодом высот, созда- вая комфортабельную среду внутри своих строений. Расстояния между ними позволяли на верхних уровнях монтировать выносные площадки под корабли среднего размера. Площадки по необходимости выдвигались и соединяли здания, будто мосты, а их размеры значительно упростили логистику, которая, в свою очередь, была давно оптимизирована подземными ком- муникациями. Подземный город связывался множеством переходов, и мог показаться похо- жим на муравейник — только с искусственным освещением внутри, а не с тьмой. Автомати- зированные системы создавали необходимый продукт, позволяя человечеству избавиться от рутины производства, и сосредоточиться на развитии себя как вида, а отдельного человека как вместилища бесконечного творческого потенциала.

В одно мгновение стало заметно темнее, и вспыхнула полосообразная желтая подсветка зданий, точнее, стен без окон и дверей. Бьющая по нервам несвойственная искателям «атмо- сфера» города Ветви Артифик, будто немного приглушила их, заставив замолчать. Они пони- мали, что в данный момент времени все их ощущения внешнего мира и понимания себя в нем есть лишь симуляция, но ее достоверность подействовала не хуже реальности.

Они не встретили по пути ни единой души и вышли к условленному месту, остановив- шись у серой стены, такой же, как и ее соседи в радиусе пары километров.

— И? — смутился Рафаил.

— Десять секунд, — ответил Келлог.

Но столь долго ждать не пришлось. В стене, словно нарисованная невидимой рукой, внезапно проявилась коричневая дверь. Ее поверхность казалась чуть шероховатой, а ручка — желтоватая сфера — мягко светилась, будто внутри угасал какой-то источник света.

— Я все никак не привыкну к Мирору, — пробормотал Рафаил и потянулся к ручке.

Его пальцы уже почти коснулись желтого металла, когда Келлог молниеносно схватил его за руку и резко дернул назад. Движение было настолько резким, что Рафаил даже сделал шаг назад.

— Ты чего?! — воскликнул он.

Келлог отпустил его запястье.

— Ты забыл? Корн же криптоком канал заказывал, и через него будет проверка Мирора. Тебя небезопасно выкинет в реальный мир, — пояснил Келлог. В его голосе звучало непонимание.

— Весь пол заблужешь, и баллы спишут, — сказал Корн, и на его лице проступила добрая улыбка.

Положив руку на ручку — немного теплую и будто шершавую, — Корн резко повернул ее вправо и толкнул дверь, пропуская товарищей вперед. Дверной проем скрывала голубая матовая пелена: она не излучала света, не показывала, что таится за ней, — лишь дрожала едва уловимо, будто тонкая мембрана между мирами.

Проходя через пелену, Корн закрыл глаза, а, врезавшись в кого-то из товарищей, испуганно открыл их.

— Ты чего, старина? — с легкой усмешкой спросил Рафаил, его глаза искрились от едва сдерживаемого смеха. — Тебе, видать, знатно голову пожгли при входе.

Они оказались в небольшом помещении, имеющим вид свалки. Но это была не груда забытых вещей индустриальной эпохи, а высокотехнологичный адекватно неструктурированный склад, а его содержимое, лишь образы нужных в работе с сетью алгоритмов и инструментов.

— Ты имеешь возможность обитать в бесконечном пространстве, но выбрал путь конуры, размеры которой уменьшаются пропорционально твоему уровню взаимодействия с сетью, — сказал Келлог, обратившись к вставшему с пола молодому мужчине в черном костюме, светящемся множеством голубых точек, словно звездное небо, сжатое в ткань.

— Для тебя слишком много умных слов в одном предложении. Тренировал? — с ироничной улыбкой ответил Мирор.

— Как догадался? — наигранно-удивленно спросил Келлог.

— Слишком громко думаешь, даже для криптоком канала комдиста. Надеюсь, вы отвлекли меня не для праздной беседы о судьбах Вселенной? А то баллы Корна стекают в унитаз далеко не тоненькой струйкой, — в голосе Мирора прозвучал неподдельный интерес.

— Мы тоже не знаем, — прямо ответил Рафаил, его взгляд скользил по хаотичному пространству, пытаясь ухватиться за хоть что-то знакомое.

— Было бы куда присесть, и наш влиятельный друг с лихвой бы смог утолить нашу жажду запретного знания, — сказал Келлог.

Мирор резко присел, отодвинув некий белый предмет с серым выпуклым боком и множеством мелких отверстий на вытянутой стороне. Его движения были точными, почти механическими.

— Делай, как я, и тебе оно откроется, — произнес он, и в его голосе прозвучала нотка таинственности.

Они присели, каждый освободив себе квадратик пространства на полу, бесцеремонно отодвинув реликвии прошлого. Корн собрался с мыслями, будто выдерживая драматичную паузу перед решающим шагом. Затем, глядя прямо перед собой, произнес:

— Выйдя из ПП в системе Инитилс, я получил маску корабля от главы Конциуса, не активируя комдист ядро на передачу. Точнее. от его людей получил. Но... — он вновь сделал паузу, его голос стал тише, почти перейдя в шепот, — тип из Доминис, что и нанял меня на это задание, каким-то образом знал о том, где я выйду. Он натурально приказал следовать переданным им курсом. Я, естественно, активировал маскировку, а догнать мой корабль он бы никак не смог. Точнее... наверное — не смог бы.

На мгновение в помещении повисла тяжелая тишина. Каждый из присутствующих словно взвешивал в уме услышанное, пытаюсь уловить невидимые нити, связывающие разрозненные факты.

Затем Мирор нарушил молчание:

— Вероятно, тебя было необходимо устранить вместе со сцентой после передачи ее содержимого на Таурис-5.

— Я тоже так считаю, — кивнул Корн, хотя эта мысль была посеяна в его сознании главой Конциусом.

— Но как? Как можно обойти запрет? — смутился Рафаил.

— Уничтожить и себя вместе с другим человеком. Трюк стар, как мир, — ответил Келлог. Его слова прозвучали холодно, без тени эмоций, но в них была железная логика.

Две головы молча кивнули, соглашаясь с ним. Рафаил же застыл в шоке, словно его разум отказывался принять услышанное.

— Даже интересно, что же содержит эта сцента, раз она стоит жизней четырех людей? — задумчиво произнес Мирор, беря в расчет остальной экипаж корабля представителя Доминис, ведь они выходят в космос минимум по трое.

— Они все, вместе с Мовер, — фанатики, — эмоционально начал Келлог, его голос звучал резче, будто наполненный гневом, — готовые на все ради знаний, которые к тому же расшифровывают по-разному. Я сколько живу, столько и удивляюсь этим броскам в неизвестность, на которых гибнет множество людей, а выхлоп мал, как атом.

— А НР? Если бы не оно, галактика так и не была бы связана. Да и с двигателями для ПП тоже все не так радужно. Ходит слух, подтверждающийся некоторыми источниками, достаточно серьезными, что и технология, на которой он базируется, взята из первой сценты, которая по чудесному стечению обстоятельств была найдена на Земле, — немного понизив голос, произнес Мирор. В его тоне сквозила настороженность, будто он боялся, что даже стены могут это услышать.

— Да-да, и это похоже на логическую цепь, выводящую к некоему плану, на который мы нарвались и теперь летим в предначертанную Диссентами неизвестность, — сказал Келлог и резко махнул рукой. — Ф-А-Н-А-Т-И-К-И! Вот объяснение. Слепая вера во что-то в где-то.

— Не скажи! — вступился Рафаил, его глаза загорелись от возбуждения.

— Времени мало, говори быстро, — предупредил его Корн, зная любовь товарища к длинным объяснениям с детальными выкладками, начиная с индустриальной эпохи.

— В Сети уже пару лет ходит информация, что сцент осталось не так много. А значит, скоро их тайна будет раскрыта. Необходимость первыми завладеть оставшимися, и толкнула Доминис к тем действиям. Получив оставшиеся тайные знания, они выиграют в двухтысячелетней гонке Разделения! — сказал Рафаил. По его горящим глазам было видно, что эта тема волнует его чуть ли не больше всего на свете.

— Зачем все эти усложняющие конструкции? — спросил Келлог, нахмурившись.

— Сам посуди, — начал Корн под удивленный взгляд Келлога, — и лишь потом противоречь. Даже с твоих слов выходит, что они способны на все ради знаний. А сейчас приближается, скажем так, логическое окончание накопление этих тайных знаний. Их разум горит необходимостью быть первыми в их освоении, и они переходят границы мыслимого для человека разумного.

— Все равно — картина этих знаний у них не полная, — настаивал Келлог.

— Но у Перемт она полная, — уверенно произнес Корн.

— И что? — смутился Келлог.

— Я должен был умереть не для того, чтобы не передать каким-либо образом слепок Мовер, а чтобы его не получил глава Конциус. Подумай о том промежутке времени до передачи сценты, которое мы проводим на Инитилс-4. Как думаешь для чего он? — хитро спросил Корн.

Келлог будто бы начал понимать его ход мыслей и тихо ответил:

— Время необходимое для расшифровки и толкования...

— Именно! Глава Конциус и люди, что стоят за ним или с ним в одном ряду, берут паузу «на подумать», и в случае получения запретного знания могут его скрыть, — сказал Корн.

— Опять все усложняете, — сказал Келлог, но уже с куда меньшим пылом. Его сопротивление таяло под натиском логики.

— Конспирология когда-то становится историей, а иногда и серой, мрачной действительностью, — заключил Мирор. Его взгляд скользнул по мерцающим точкам на костюме, словно ища в них ответы, а не найдя, рассеял фокус на стене перед ним.

Глава 4

Планета Инитилс-4, 98-66-12, Серая Зона. Год 2052 от Разделения.

Открыв глаза, Корн ощутил мягкую прохладу своего жилища. Мгновение — и сон рассыпался в прах: сознание вспыхнуло сверхновой звездой, наполняя все тело пружинистой бодростью, будто он и не спал вовсе. Картины трех прошедших дней, подобно крупным звездам фейерверка, осветили сознание, собравшись в четкую последовательность разговоров, дел и отдыха, которые были так необходимы после длительного пребывания в космосе, и осмысленность предстоящего дела вселила в него небывалую уверенность.

Присев на край койки, он немного размял тело, а следом встал и сделал нехитрую зарядку. Сознание избавилось от последних отголосков длинного глубокого сна, выдвинув на передний план легкость мысли и желание продолжать жить.

Схватив литровый бутыль питательной смеси, Корн выбрался на крышу здания. Ветер тут же обнял его, принес с собой запах соли и далеких грозовых туч, и, не раздумывая, Корн запрыгнул в корабль, молчаливо ожидавший своего единственного члена экипажа и готовый броситься в пучину неизвестности по первому его зову.

Сегодня ему предстояла встреча с представителем Доминис, но тревога уже отсутствовала, уступив место уверенности и холодному расчету на фоне выполненного задания, да и ожидать каких-то непонятных телодвижений от представителя Доминис на Инитилс-4, да еще и после трехсуточного пребывания на поверхности, было решительно невозможно. Во-первых — это бессмысленно, во-вторых — прямое нарушение договора о Разделении. Хотя второе, после недавнего инцидента в космосе, причиной обозначалось лишь с натяжкой, да и первое стоило рассмотреть под различными углами, желательно измерив все его стороны и обратив особое внимание на запрятанные в глубины неизвестности ребра, скрытые истинными мотивами поведения Доминис.

Корабль рванулся вверх, будто перепрыгивая через горные пики, и мягко приземлился на узком каменистом берегу моря, где волны бились о скалы, рождая симфонию брызг и шепота прибоя. Серебряный эллипсоид представителя Доминис уже ожидал его, зависнув недалеко от воды. Его поверхность не отражала лучей солнца, синевы бескрайнего неба и голубого моря, а поглощала все это своей матовой поверхностью, преобразуя в глубинах корабля полученное извне излучение в энергию. Он, подобно серому вредоносному наросту, инородным телом громоздился на теле живой планеты и отчего-то вызывал отвращение, хотя корабль Корна лишь немногим отличался по форме и покрытию. Возможно, он виделся таким уже с учетом недавно произошедшей в космосе ситуации, а, возможно, и действительно таким являлся.

По условиям контракта он должен был передать сценту на корабле представителя Доминис. Встав с кресла, Корн направился в свою multifункциональную гардеробную за сцентой. Подойдя к правой стене, он нажал три кнопки, видимые лишь ему одному. С тихим шипением панель скользнула в сторону, обнажив потайной шкафчик, и из его темных недр Корн извлек серебряное устройство. Холодный металлический брусок приятно лег в руку. На мгновение он задержал взгляд на его гладкой поверхности, где отражались призрачные блики, будто запертые в металле отголоски грядущих событий. Опустив руку со сцентой, Корн направился к выходу. Но представитель Доминис пошел на явное нарушение контракта, спустившись с корабля на берег, о чем Корн был предупрежден, и замер на полпути. Тревога вновь вышла на первое место, но теперь сознание имело куда больше фактов для осторожности. Это отклоняющееся не просто от нормального, но и от официально заверенного поведение, замешанное на дрожжах недавнего общения с Рафаилом и Мирором, заставило мозг работать не просто быстро, а продумать все возможные развязки будущего представления за пару секунд, выстроив цепочки вероятностей и оценив каждый нюанс.

Спрыгнув на каменистый берег, Корн глубоко вдохнул влажный, пропитанный морем воздух и громко выдохнул его через нос, будто выталкивая из себя даже намек на сомнение. Представитель Доминис в стандартном черном костюме Ветви Артифик с красными точками и длинном черном плаще шел ему навстречу и улыбался, явно осознавая, в каком тревожном, приближающемся к панике состоянии находится Корн. Но это было далеко от правды — тревога покинула Корна, уступив место холодному, как пустота космоса, расчету, такому, который помогает пережить даже самые сложные и опасные моменты жизни, на первый взгляд не имеющие счастливого финала. Корн был уверен, что проживет еще не один год, и не раз познает удовольствие от приобщения к новому, радость встреч и удовлетворение от верно проделанной работы. Его корабль находился на низком старте, готовый по первой команде взмыть в небо, отключив все ограничения на перегрузку, дабы спасти своего единственного члена экипажа. Поэтому этот член экипажа и остановился в паре шагов от корабля, готовый в мгновение ока оказаться внутри и разыгрывающий испуганного мальчишку, не умеющего держать свои эмоции в узде. Вся надежда этого представления с его стороны зиждилась на невозможности Доминис проникнуть слишком глубоко в его голову на большом расстоянии, пробившись через прикрученные Мирором маски, фильтры и обманки.

Представитель Доминис медленно шел вперед, и сейчас их с Корном разделяло не только расстояние. Эти два человека сделали себя сами, но результат их дел, стремлений и чаяний разделил их не только физическим расстоянием, но и идеологической пропастью. Пропастью, что невозможно преодолеть, соорудив жесткие договоры или взаимодействуя на условиях взаимного и неминуемого уничтожения, ведь вынужденная необходимость когда-то да заставит одного из них пойти на крайние меры в отношении второго. Могло показаться, что на такое будет способен только представитель Доминис, но это не так. Перемт хоть и пользовалась мягкой силой и хитростью, но в кульминационный час и глава Конциус, и Корн смогли бы пожертвовать многим для исполнения возложенного на них бремени, даже не прибегая к пространственным размышлениям и длинным раздумьям.

— По условиям контракта, передача сенты происходит на твоём корабле, и лишь после проверки целостности и достоверности происходит перечисление, — выпалил Корн на одном дыхании, нарушая природную тишину, затем плавно подбросил сенту вперед по небольшой дуге. Та интенсивно завертелась в воздухе, отражая от своей поверхности солнечные лучи.

Представитель Доминис легко поймал ее, резко вскинув руку вверх. Это действие заставило его остановиться, явно нарушив продуманный план подойти к Корну вплотную. На мгновение в его глазах промелькнуло нечто неуловимое — то ли удивление, то ли радость. Представитель Доминис несколько раз подбросил сенту на ладони, будто желая на вес убедиться в ее оригинальности, и положил ее в карман своего черного плаща. Они стояли напротив друг друга, пытаясь прочесть мысли соперника, проникнуть сквозь внешнюю оболочку к истинным замыслам, и молчали, пока представитель Доминис не раскусил Корна.

— А ты не так слаб, как мне показалось, — произнес он грубым синтезированным голосом. По правде говоря, если не знать, кто перед тобой, вряд ли кто-нибудь понял бы, что голос не настоящий, но Корн знал, как и знал, что из живого в его теле — или точнее, анирепе, искусственной коме — только мозг, неизвестным ему образом существующий в несвойственной обстановке.

— А ты не так адекватен, как могло показаться, — спокойно сказал Корн, а маску растерянности он сменил на уверенность.

Представитель Доминис медленно опустил голову вправо, не отрывая взгляда от лица Корна. На его губах цвела веселая, почти издевательская улыбка — словно он наслаждался этой игрой. А это именно так и было.

— Мое имя — Аллисер Индеп, — сказал он.

— Мое тебе известно, — сказал Корн, а внутренне выдохнул, придя к выводу, что ликвидировать его не собираются. — У твоего поведения есть веская причина или моя смерть должна была стать лишь твоей личной прихотью?

Корн и не надеялся узнать правду, скорее бросал камень в темную воду озера, надеясь узнать его глубину, но попытка не пытка.

Аллисер Индеп громко рассмеялся, а затем ответил:

— Ты еще не совсем остался жив, а желаешь получить знание, недоступное и более сильным.

Аллисер Индеп говорил не о физической силе. Ветвь Артифик измеряла значимость человека по его умственным способностям, которые характеризовались не только заложенными в процессе модификации эмбриона планируемыми качественными показателями мозговой активности, но и умением увеличивать эти показатели на протяжении всего жизненного пути. Корн знал это, как и знал, что перед ним «сильная» личность. И это ощущалось почти физически, даже на расстоянии. Аллисер Индеп превосходил его и интеллектом и физической, то есть механической, силой своей искусственной сомы, и с этим фактом он спорить не собирался, понимая, что перебороть этого противника можно лишь хитростью, тонкой и острой, как лезвие только что правильно заточенного ножа.

— Так есть причины? — нагло спросил Корн, желая интонацией немного взбодрить соперника.

— Как и у твоих — желание жить, — ответил Аллисер Индеп и рассмеялся, не поддавшись на провокацию.

Корн понял, что ничего выведать не получится. Молчание между ними стало плотным, почти осязаемым, словно опустился занавес между двумя непримиримыми частями одного мира. Приняв решение закончить разговор, он произнес коротко, почти без эмоций:

— Проверь и закрывай контракт.

Теперь Аллисер Индеп улыбался лишь уголками губ, скрывая за этим нечто большее, неуловимое, словно тень в полумраке.

— Баллы переведены.

— Контракт закрыт.

Лицо Аллисера Индепа мгновенно стало серьезным, а голос обрел холодную официальность, будто он переключился в режим машины, лишенной эмоций:

— Доминис впредь отказывается от заключения каких-либо правовых документов с человеком по имени Корн Ронд Селезиум, Ветвь Некс, производный от Ветви Вивус.

Резко кивнув, словно проводя финишную черту в их диалоге, Аллисер Индеп развернулся и уверенно пошел на корабль. Каждый его шаг был четким и уверенным, а ноги будто и не ощущали мелкой гальки под ногами.

Некоторое время Корн глядел ему в спину, переваривая произошедшее, затем последовал примеру представителя Доминис и отправился к главе Конциусу с докладом, хотя рассказывать было толком нечего — в его распоряжении оставались только догадки и недомолвки.

Корабль взметнул в небо, но вскоре резко остановился, зависнув над одной из горных вершин. В дополненной реальности появился глава Конциус и быстро заговорил, будто куда-то торопился.

— Корн, тебе необходимо встретиться с представителем Вивус. Координаты тебе переданы. Отправляйся немедленно. Это может быть связано с произошедшими недавно событиями, — глава Конциус говорил быстро, явно торопясь.

— Понял, выдвигаюсь, — лишь ответил Корн, а под ложечкой засосало: предчувствие чего-то неизвестного, опасного и от того интересного.

Глава Конциус сделал едва уловимую паузу, словно собираясь с мыслями:

— Я понимаю, что ты только что вернулся, но вскоре время ускорится, и нам необходимо собраться с силами, чтобы не упустить нить происходящего, — уже куда менее быстро проговорил глава Конциус.

Корн кивнул. Он не задавал вопросов — в этом не было нужды. Если глава Конциус сам вышел на него, да еще и через проекцию в дополненной реальности — к тому же через закрытый канал шифрованным потоком, а не через криптоком протокол комдист связи — то Корну и без напоминаний была понятна необходимость собрать все имеющиеся в его распоряжении силы и грамотно приложить их к выполнению поставленных задач.

— Да, глава Конциус, я все понимаю.

— До встречи, Корн.

— До встречи, глава Конциус.

Корн остался один.

Корабль уже покидал планету, двигаясь по полученной траектории к Инитилс-7. Пустота космоса вновь навалилась своей бесконечной массой на не отдохнувшее сознание Корна. Впереди замаячила долгая дорога, тянущаяся бесконечной лентой пустоты и древнего звездного света, возможно, уже не существующих в этой Вселенной гигантов; глубокий сон, вроде и спокойный, но на длинной дистанции, словно вязкий как смола, обволакивающий и еще долго не отпускающий сознание, и ментальное похмелье, угнетающее разум и тело своей бестолковой песней навязывания желаний. Троица постоянных спутников любого искателя, слишком близко заглянувшего в бездну неизведанного, зачастую отбирающая лавры творца их гибели у неудачного выхода из ПП.

Суматоха последних дней была далека от привычного течения жизни Корна. Со стороны могло показаться, что жизнь искателя есть приключение, и каждый ее отдельный эпизод есть нечто новое и ранее не пережитое, но в действительности между заданиями могло проходить много месяцев, и все это время искатель жил обычной жизнью без ежесекундных потрясений. Да и в большинстве приключений единственной опасностью являлось перемещение через подпространство, точнее выход из него, а остальное быстро превращалось в рутину, совершенно не оправдывая романтических ожиданий, которые возникали перед первыми заданиями. Множество искателей погибло при выходе вблизи звезды — неважно мертвой или живой, во множестве досель не изученных космических аномалий или в плотном поясе астероидов, но Корну судьба всегда благоволила, а сейчас дала возможность заметно разнообразить его существование в этом мире. И разнообразить крайне незамысловатым способом: швырнуть в самый эпицентр разборок галактических обществ, незримо управляющих всей цивилизацией, в игру, где ставки невозможно было даже представить.

Темно-голубой газовый гигант расплывался бледно-серыми волнами ураганов, которые без конца бушевали на его поверхности, сплетаясь в гипнотический танец неукротимой стихии. Казалось, что вся планета дышит хаосом, вычерчивая на своем лице диковинные узоры из вихрей, которым не суждено когда-либо затихнуть. Корабль Корна вышел на нужную орбиту и под полученный ключ передал шифрованное сообщение. Спустя мгновение, предварительно скорректировав орбиту, он встретился со среднетоннажным грузовиком Ветви Вивус. Грузовик состоял из пяти частей: четырех огромных цилиндров для груза, соединенных множеством перегородок с меньшим цилиндром. Перегородки на фоне остальных частей корабля казались маленькими и хрупкими, неспособными удерживать всю махину, и придавали ему несколько комичный вид, словно его случайно собрали из разнокалиберных деталей. Это была средняя модификация корабля такого типа, которая отличалась от максимальной лишь длиной, ведь увеличить диаметр не представлялось возможным. Сие ограничение накладывалось ввиду относительно небольшого, по меркам Вселенной, кольца Нулевого Расстояния, и, как следствие, распространялось на все суда галактического класса.

Корн наблюдал за сближением кораблей, и в его сознании медленно складывалась мозаика: каждый цилиндр, каждая перегородка, каждый шов — все это было частью огромной системы, где даже самая нелепая деталь имела свое предназначение. В этом странном симбиозе мощи и хрупкости, величия и комизма, он видел отражение самой Вселенной — упорядоченной и подчиняющейся строгим законам.

Корабль искателя медленно вплыл в ангар и завис на небольшом расстоянии от пола. Когда газовая смесь внутри ангара стала пригодной для человеческого дыхания, Корн сошел с корабля. Представитель Мовер уже шел к нему навстречу, и Корну оставалось изучать пустое окружающее пространство. А оно действительно являло собой гений минимализма, с отсутствием чего-либо, кроме идеально ровных стен, потолка и пола. Не просто отсутствие деталей, а сознательная демонстрация пустоты. Ни единого лишнего элемента: стены, потолок и пол сливались в единую геометрическую симфонию безупречной ровности, холодную, почти аскетичную чистоту линий, без единого намека на существования где-то рядом человека. Дальше этого помещения его не пропустят, а здесь ничего нового и не углядишь, довольствуясь лишь непарадной витриной технологий Ветви Вивус, за которой скрывалась вся мощь и сила Ветви, которая ставила во главу угла развитие человека как биологического существа. И тут ему пришло в голову, что пустой ангар не просто встречал гостя, а будто испытывал его, проверяя, сумеет ли тот разглядеть за пустотой истинный масштаб того, что находилось по ту сторону стен.

Поскольку Корн сам являлся производным от Ветви Вивус, Мовер крайне редко прибежал к его услугам и, если память ему не изменяла — а она не могла ему изменять, — то сейчас, с почти стопроцентной вероятностью, произойдет пятый наем. Шансы были столь высоки благодаря главе Конциусу, ведь тот не просто так настоял на скорой встрече, но и недвусмысленно намекал на необходимость согласия, хотя Корн имел полную самостоятельность и при первом намеке на опасность мог соскочить с дела. Но сегодня он не желал этого, надеясь на сговорчивость Мовер и разумное целеполагание с их стороны.

Идеально гладкая стена резко подернулась ровными полосами и два прямоугольника скрылись в ее недрах. Быстрым шагом в ангар ворвался высокий широкоплечий мужчина с голубыми глазами. Он явно не спешил, но гравитация на корабле составляла 0,7 от эталонной, и с его телесными данными огромные, быстрые шаги давались с излишней непринужденностью. Стандартный комбинезон Ветви Вивус подчеркивал здоровую и дышащую силой фигуру, впрочем, как и у Корна, а мелкие светящиеся точки идеально подобрали цвет к глазам. Если от представителя Доминис разило неким превосходством и силой, которые больше отталкивали, чем наводили на деловой лад, то этот, наоборот, внешне выражал доброжелательность, но Корн знал, кто перед ним, и понимал, что сейчас необходимо держать ухо востро и соглашаться на почти любые условия. То, за чем он полетит, явно не древняя сказка про трех силачей, и это знание глава Конциус желает от него получить, и, вероятно, получит.

— Искатель Корн Ронд Селезиум, ты прибыл быстро, и мы этому рады, ведь поручение требует высокой скорости исполнения, — прогремел властный бас Александра Пара, наполнив ангар гулкими отголосками, будто сам воздух подчинился его голосу.

Перед Корном стояла правая рука главы Мовер, человек, посвященный во все тайные знания Мовер, и Корн был несказанно рад этому случаю.

— Я слушаю, — произнес он сдержанно, почти бесстрастно. Под маской спокойствия скрывалось невиданное возбуждение от скорого приобщения к «тайнам Вселенной».

Внезапно пространство между ними оживило. Воздух задрожал, и перед мужчинами возникла объемная карта Млечного Пути — словно звездная паутина, сотканная из чистого света, что заставило обоих отступить на шаг назад. Затем на ней выделился неправильный объемный многоугольник, и приблизился.

— Это Глубокая Серая Зона, к тому же за Поясом Определенности, — выдохнул Корн, и в его голосе прозвучала нотка разочарования, ведь его планы рушились на глазах.

Центр галактики был изучен лишь дистанционно, ведь еще ни один переход за Пояс Определенности не заканчивался положительным исходом. Сила и интенсивность гравитационного и иных видов возмущений не дают возможность правильно рассчитать точку выхода из ПП, а при чрезмерно сильном, нерасчетном воздействии извне на канал перемещения — и вовсе выбрасывают корабль из подпространства.

— Не принимай поспешных решений и дослушай меня, — сказал Александр Пар.

Корн утвердительно кивнул, готовый слушать, но в душе уже твердо решил отказаться: смерть пока не входила в его планы на жизнь — по крайней мере, не сегодня и не по чужому сценарию.

— По этим координатам ты найдешь первую известную космическую станцию Дисцентров.

Карта ожила, приблизив систему и выстроив схематичное изображение планет на орбите белой звезды. Станция находилась за орбитой шестой планеты, на относительно безопасном расстоянии от чересчур активного светила. Все это, конечно, было чрезвычайно интересно, но пока ничем не могло предотвратить его преждевременную и скоростижную кончину.

— Так как станция находится за Поясом Определенности, тебе потребуется другой корабль и два члена экипажа.

«Еще пара человек... Для чего?» — сам себя спросил Корн. И получил недвусмысленный намек от сознания, что вернуться, смогут не все, точнее будет удачей, если вернется хотя бы один из них. К счастью, он пока никуда и не летел.

— Экипаж ты волен выбирать сам, а вот корабль тебе предоставит представитель Доминис, на планете Девел-2.

Все три общества объединенные в одном задании есть не просто красный флаг, предупреждающий о риске, а призыв Вселенной к скорому бегству как можно дальше и желательно не оборачиваясь, из того места, где это задание желают навязать. Корн всем своим естеством желал проверить последнее, но что-то задерживало его, толи пульсирующее властью и силой тело Александра Пара, толи долг перед Перемт, а вероятно ядовитая смесь и того и другого.

— Мы гарантируем положительный исход взаимодействия с представителем Доминис и положительный результат выхода из ПП в Глубокой Серой Зоне, — официальным тоном произнес Александр Пар.

Формально, Корн не мог придаться к словам Александра Пара — и, более того, он склонялся в сторону их правдивости, точнее в то, что Александр Пар сам искренне верит в сказанное им. Он исходил из нескольких фактов, почерпнутых как из его слов сейчас, так и из того мира, в котором им приходилось существовать. Первый факт: Ветвь Вивус была связана договором взаимодействия и не могла напрямую вступить в контакт с этим представителем Доминис. Этот факт являлся для Корна объяснением того, почему, если перспективы перемещения в Глубокую Серую Зону настолько радужные, со слов Александра Пара, Мовер сам не выполнит это задание. Второй факт вытекал из первого и говорил, что даже фанатики не могут рисковать сложившимися взаимоотношениями внутри цивилизации, ради обладания иллюзорными знаниями. Тем более никакой станции там и вовсе могло не оказаться, а вскрытие нарушения договора когда-нибудь выплывет на поверхность и желательно иметь некие доказательства его нарушения со стороны Мовер. И это доказательство как раз сейчас стояло перед Александром Паром, постепенно наполняясь желанием согласиться на крайне рискованную работу. Отчего-то Корн сейчас не взял в расчет недавнее взаимодействие с Аллисером Индепом, как в космосе, так и на Инитилс-4. То ли это произошло из-за слов главы Конциуса, то ли он просто забыл про этот инцидент из-за серьезности и нервозности разговора. Хотя, если бы сейчас он вспомнил о нем, то согласиться на предстоящее задание ему было бы на порядок тяжелее.

— Предельный срок начала? — серьезно спросил Корн, и в глазах Александра Пара уловил некое удовлетворение от почти законченной работы.

— Семь стандартных суток после получения корабля, — отчеканил Александр Пар, медленно проговаривая каждое слово.

Корн не спешил отступить.

— Десять, и за кораблем отправляюсь сейчас. Идет? — с холодной уверенностью произнес он.

— Время отправления и так не обсуждалось. Семь. Более мы не можем ждать, — тоном, не допускающим иного исхода, отрезал Александр Пар.

Корн некоторое время не моргая смотрел на Александра Пара, а затем сказал:

— Согласен.

— Ввиду повышенной сложности и некоторой незаконности поручаемой тебе работы, — продолжил Александр Пар, слегка наклонив голову вправо, — мы готовы рассмотреть четырехкратное увеличение стандартного тарифа.

Корн был готов выполнить эту работу и за мешок картошки, но произнес нечто другое:

— Три. И корабль остается у меня. Идет? — он говорил резко, будто ожидал мгновенного ответа и не оставлял права на раздумья.

Александр Пар лишь улыбнулся одной стороной рта, немного оголив белые зубы, и сказал:

— Либо одно, либо другое. Корабль вообще не рассматривался в качестве награды. Мы его не можем использовать, но, возможно, кто-либо из вас... — Он сделал паузу, позволяя Корну додумать самому.

Теперь Корну настала пора улыбнуться одной стороной рта.

— Корабль, — сказал он, кивнув.

— Тем более твой, принесет много больше и пяти стандартных тарифов, — заметил Александр Пар, будто размышляя вслух.

— Я не рассматриваю возможность его обмена, — отрезал Корн.

— Еще бы, — хитро протянул Александр Пар. — Не так давно его быстрходность... ускорила возвращение на Инитилс-4.

Корн лишь коротко кивнул в знак согласия. Его никоим образом не обескуражило сказанное Александром Паром. Перед ним стоял человек, работа и смысл существования которого заключались в накоплении знаний — как будто он собирал осколки разбитого зеркала, надеясь однажды сложить из них цельную картину. Но не все знания имеют вес, и не все складываются в осмысленную картину, а какие из них окажутся нужными и полезными, беспристрастно рассудит лишь жизнь.

— Контракт передан, ожидаем подписания, — голос Александра Пара звучал ровно, почти механически, будто зачитывал протокол. — Ты не сможешь покинуть корабль, пока не подпишешь, или не откажешься от его подписания. Мы даем тебе некоторое время на раздумья, но через семь часов мы сменим курс и к этому времени тебя здесь быть не должно.

— На это не потребуется много времени, — уверенно сказал Корн. Уголок его рта дрогнул в полуулыбке, слишком быстрой, чтобы ее можно было назвать насмешкой, но достаточно понятной: столь долго ему размышлять не потребуется.

Резко повернувшись, он отправился к себе на корабль. Идя, он чувствовал, как Александр Пар смотрит ему в спину, но не оборачивался. Корну казалось, что тот пытается заглянуть ему в сознание и прочесть сокровенные тайны, но технологий Ветви Вивус было явно недостаточно для взлома защитных барьеров, созданных Мирором, и Александр Пар мог только смотреть и пытаться отгадать истинные мотивы и цели. Весь в предвкушении чего-то грандиозного, что займет первое место на пьедестале достижений его существования, Корн

ловко запрыгнул на корабль и тут же скрылся, изолировав себя от ангара непроницаемым для глаз корпусом.

Глава 5

Система Инитилс — Система Таурис — Спутник планеты Девел-2, Девел-22, 12-1-4, Зона Ветви Артифик. Год 2052 от Разделения.

Покинув корабль Мовер, Корн установил следующую цель — кольцо НР — и принялся изучать полученное техническое задание и контракт, предварительно его подписав.

Ветвь Вивус, в лице Александра Пара, нанимала Корна Ронда Селезиума, для разведки недалекой системы в Серой Зоне, в сто седьмом секторе, и всего в шестидесяти днях перехода в ПП от системы Инитилс. Предельный срок контракта и отчетная дата значились как две-сти четыре стандартных дня, а в графе вознаграждение указывался разведывательный корабль галактического класса серии 33456 (естественно не тот который ему передадут) построенный, как ни странно на спутнике Девел-2 Девеле-22. Остальные пункты содержали куда меньше конкретики и могли истолковываться вдоль и поперек тысячами значений, а чем меньше конкретики, тем шире простор для маневра, как для заказчика, так и для исполнителя. Корн мысленно улыбнулся, ведь обманчивой простотой, да стандартными фразами прикрывалась бездна неопределенностей и опасностей, и стал проверять приложение к заданию.

Александр Пар передал четыре маски для корабля: две основные и две резервные. По первой — основной — Корн становился сопровождающим переброски указанного выше корабля на одну из планет Ветви Вивус у внешнего края границы их обитания; по второй — перевозящим генетический материал ученым, которому предписано сдать груз на Инитилс-4. Обе маски содержали все необходимые подтверждения и коды доступа, и проблем с ними Корн не ожидал, видя безупречность их исполнения. Резервные маски он даже и не посмотрел — его взгляд уже скользил дальше, к тем страницам, где затаилось по-настоящему интересное.

Покинув кресло, он вывел изображение галактики и сразу приблизил систему назначения. Схема планет стала более детальной, подтянув базы данных Перемт. Между орбитами шестой и седьмой планет, практически равноудалено от них, находилась искомая станция. Из имеющейся у него информации, система оказалась разведанной, и это Корн считал странным, ведь до сего времени ему были неизвестны разведанные системы за Поясом Определенности, к тому же такого размера объект сложно было пропустить, если, конечно, он сам не желает скрыться от посторонних глаз в тумане войны. Местная активная белая звезда не дала возможности своим планетам стать пригодными для существования: яростно выжигая даже зачатки атмосферы, превращая поверхности в радиоактивные пустыни или сами планеты в безжизненные, наполненные газом сферы с экстремальными температурами и чудовищным давлением. Сам по себе выход из ПП около такой звезды считался если не смертельным, то крайне неразумным, а эта находилась в Глубокой Серой Зоне, так что и путь до нее бал не рекомендован, точнее являлся предвестником скорого убытия из этой Вселенной для тех, кто осмелится бросить ей вызов. Если представитель Доминис, участвующий в этом контракте, не сможет убедить Корна в безопасности корабля, все последующие действия приобретут налет крайнего авантюризма, близко напоминающего безумие, и никакая вера в общее дело не остановит логический ряд, натурально кричащий о необходимости бросить сие «чудесное» мероприятие в любой точке его воплощения в жизнь. Логика кричала — громко, настойчиво: «Брось это. Остановись. Любой ценой». Но где-то в глубине души, за барьерами разума, уже разгорался тот самый огонь — огонь искателя, для которого риск не препятствие, а воздух, которым дышишь. Огонь, который превращает безумие в миссию, а опасность — в вызов.

Дабы не травить сознание образами мучительной гибели раньше времени, Корн сменил сектор и приблизил систему Девел. Желтая звезда, могучая и невозмутимая, крепко сжимала в своих лучистых «лапах» пару десятков планет, в том числе и местную драгоценную жемчужину в дорогой оправе: Девел-2. Темно-зеленая сфера заняла все пустое пространство перед

Корном, а над ней один за другим мелькали снимки с поверхности. Девел-2 по праву занимал первое место в списке живых миров, обходя даже Землю по количеству и качеству изученных представителей местных экосистем. Каждая долина, каждый океан, каждая вершина этой планеты дышали жизнью, изученной, каталогизированной, но все еще полной загадок. Открывая в первое столетие после разделения, планета отошла Ветви Артифик — именно они ее и обнаружили, но возможность изучать предоставили всему человечеству. Тем более ее молчаливый спутник — Девел-22 — содержал в своих недрах все известные металлы, образующиеся в разумных условиях, и был мертв, как камень. Ветвь Артифик всецело и скоро изучила спутник, проверив каждый кубический сантиметр его поверхности, и пришла к выводу, что лучшего места для строительства производственной базы космических кораблей найти будет проблематично. Так Девел-22, небольшой скромный спутник живой планеты, преобразился в один огромный завод, совмещающий добычу полезных ископаемых «почти» по заветам индустриальной эры и синтез экзотических веществ, отсутствующих во Вселенной, точнее существующих в ней без соблюдения определенных экстремальных условий лишь мгновения. Здесь рождались, создавались и синтезировались вещества, что продвигали человечество вперед, унося людей в неизвестные и опасные дали бесконечной пустоты, лишь изредка заполненной молчаливыми сферами.

Совместные усилия ученых обеих Ветвей позволили проникнуть в прошлого спутника и планеты и объяснить богатство недр первого и биологическое разнообразие поверхности второй. Девел-22 миллиарды лет назад был отдельной небольшой планетой, столкнувшейся с Девел-2. После этой катастрофы Девел-2 обрела множество спутников, а Девел-22 часть богатых недр своей прародительницы. И вправду, биологическое разнообразие на планете напрямую связывали с ее природными ресурсами, которые влияли на поверхность, превращая ее в зеленый рай для всех населяющих ее существ, словно живой изумруд в безмолвном океане космоса, где каждый клочок земли дышал жизнью. Здесь «флора» и «фауна» сплетались в причудливый узор эволюции, создавая экосистемы, размеры и формы которых было трудно даже представить. Как бы человечество не желало ускорения технического развития в виду кратного уменьшения стоимости ресурсов, оно не тронуло Девел-2, все еще помня о Земле, некогда похожем рае, значительно потасканным «разумной» цивилизацией людей.

Корабль вышел на прямую, относительно кольца НР, траекторию. Корн вывел изображение с его носа на стену перед собой. Огромное серое кольцо затуманивалось дымкой, переливаясь от светло-голубого по краю до темно-синего, чернильного цвета по центру. Большой грузовой корабль Ветви Вивус, прошел через него, а затем резко изменил траекторию и исчез из поля зрения, растворившись в безмолвии звезд. Корабль Корна ускорился и прошел через дымку, затем, подражая грузовику, резко ушел с прямой траектории. Корн активировал маску и запросил траекторию перемещения к следующему кольцу НР: в системе Таурис дел у него не намечалось. Почти мгновенно ему ответили, и со спокойной душой он отправился отдыхать, ведь ближайшие семь часов в кабине ему делать было решительно нечего.

Все перемещение к Девел-22 заняло немногим более двадцати часов, и теперь корабль Корна был на его орбите, ожидая разрешения на посадку. Тот представитель Доминис, с которым ему и было необходимо выйти на связь, подтвердил, что корабль готов к перемещению, а Корну остается лишь спуститься за ним.

Девел-22 оцетинился неровными гранями крыши, подобно непробиваемому щиту, полностью скрывавшей поверхность от космического излучения. Его серый металлический блеск честно говорил о силе технологий, которыми располагала Ветвь Артифик, и напрямую влил в сознание Корна некую веру в возможность выполнения им заключенного недавно контракта. На это ли надеялся Александр Пар, когда говорил об убеждении или нет, проверять ему было не с руки, ведь теперь возможность лично посетить Глубокую Серую Зону первым во всей

галактике стала для Корна не такой иллюзорной мечтой, а до ее исполнения оставалась лишь пара шагов: получить корабль и набрать пару человек экипажа, таких же горящих открытиями сорвиголов, что бросятся с ним в пучину неизвестного.

Получив траекторию посадки, корабль совершил половину витка, пошел на снижение, и уже вскоре вертикально опустился в ангар. Когда системы с едва слышным шипением выровняли давление, Корн направился к выходу.

Рядом с его кораблем с серьезным видом стоял высокий человек в костюме. Светящиеся точки на костюме подбирались по цвету глаз, а также давали понять, к какой Ветви принадлежит его носитель. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, затем Корн кивнул и, получив нечто похожее в ответ, спрыгнул с корабля. Как и в случае с Мовер, ему не показывали ничего лишнего, только голые стены с минимумом деталей. Так что на данном этапе чего-либо дельного он главе Перемт доложить был не в состоянии, кроме факта прямого взаимодействия Мовер и Доминис.

— Твой корабль готов к передаче и перемещению, — произнес представитель Доминис немного хрипящим голосом, в котором сквозила едва уловимая напряженность. — Перед этим нам необходимо обговорить некоторые условия.

Корн молча кивнул. Он понимал, что эти условия есть некая тайна, и обсуждать их необходимо в изолированном помещении, поэтому приготовился после осмотра корабля направиться куда-то вглубь катакомб Девел-22. Но вскоре он узнал, что далеко идти не придется: искомое средство передвижения по крайне опасным секторам галактики находилось в соседнем ангаре, а его — корабля — недра, уже сами по себе были идеальным изолированным помещением.

В просторном ангаре, тем не менее таком же пустом, находился серый эллипсоид. В глаза бросилась странность покрытия корпуса, матово переливающегося оттенками всех существующих цветов. Оно не просто отражало свет — оно играло с ним. Матовые переливы, едва заметные, но завораживающие, вспыхивали всеми оттенками радуги, будто сама поверхность корабля хранила в себе осколки звездного света. Рассеянный свет потолочных ламп превращал металл в живую мозаику, меняющуюся с каждым шагом.

Представитель Доминис будто почувствовал вопросительный взгляд Корна и размеренно, с едва заметной гордостью, произнес:

— Это не просто покрытие. Сам материал корпуса — то, что человечество мечтало создать на протяжении веков.

«Металл с экстремально плотной кристаллической решеткой», — мгновенно пронеслось в голове у Корна.

Представитель Доминис чуть повернул голову и от Корна не скрылась снисходительная улыбка на его лице, будто бы тот прочитал его мысли.

— Прогрессивное человечество, — тихо добавил представитель Доминис.

Пройдя до носа корабля — хотя, где корма, а где нос, Корну пока было непонятно — он насчитал более пятидесяти шагов, что с учетом не пройденного расстояния давало прирост в длину на двести процентов по отношению к имеющемуся в его распоряжении судну. Это было скорее минусом, чем плюсом, ведь терялась мобильность и незаметность. Впрочем, играла ли последняя хоть какую-то роль, когда речь шла о подобных кораблях? К тому же остановки на многих выносках зданий теперь оставались под вопросом, а спускаясь на зонде, он еще более терял мобильность, что с его профессией могло привести не просто к печальным последствиям, но и обернуться катастрофой.

Неожиданно часть обшивки просто пропала, обнажив светло-коричневое нутро его будущего спутника на неизвестный промежуток времени, если, конечно, они с ним вместе ни канут в пучину неизвестности в бездонных глубинах центра Млечного пути. Небольшой коридор перед ними раздвигался в паре метров от края корпуса. Правый поворот вел в кабину управ-

ления, левый во внутренние отсеки корабля. Они повернули направо, и бесшумная дверь изолировала их от внешнего мира.

— Сразу договоримся: пока я говорю, ты молчишь, — властно произнес представитель Доминис, и его синтезированный голос прозвучал как лезвие, рассекающее воздух.

Перейдя в режим первородного гнева, сдерживаемого тысячами слоями эволюции, Корн ответил с ледяным спокойствием и негибкой твердостью:

— Сразу договоримся: между нами, будет заключен взаимовыгодный контракт, поэтому тон, который я желаю слышать в твоём голосе должен содержать неподдельные деловые нотки и располагать к заключению сделки. Каким образом ты этого добьёшься — для меня не имеет значения.

Если к существу с умышленно частично отключёнными частями головного мозга можно применить состояние «опешил», то представитель Доминис впал в нечто подобное. На секунду он замер, словно система столкнулась с непредвиденным сбоем. Затем голос, чуть дрогнув, произнес уже куда более мягким тоном:

— Нам нужна полная запись из системы и слепок сенты.

— Это ваш корабль, а значит, запись вы получите сразу же при активации комдист ядра на передачу, а может, даже — скорее, и гораздо раньше. Мне неизвестно, где именно система корабля имеет дырки, но в их наличии я не сомневаюсь.

— Они отсутствуют — это первый пункт договора с Мовер, — серьёзно произнес представитель Доминис, и если не знать, что голос синтезированный, а тело перед тобой лишь искусственная оболочка для мозга — анирепа, то не поверить было бы сложно.

— Не верю. Несколько дней назад я мог убедиться в том, что вы ни перед чем не остановитесь, — сказал Корн, отрицательно помотав головой, хотя тон собеседника его почти убедил.

— Этот договор мы нарушить не в силах, — с той же интонацией проговорил представитель Доминис.

— Я буду иметь прямой доступ к ядру и к оболочке корабля? — спросил Корн, прогоняя в голове варианты проверки.

— Полный. Все равно секрет движительной установки и оболочки тебе никаким образом не узнать через них, — уверенно ответил представитель Доминис.

— А изменить внутренности? Мне необходимо перестроить зону отдыха под нормальных людей, — последние слова Корн выделили восклицательной интонацией.

Представитель Доминис никак не выдал своего возмущения, хотя внутренне разрывался от желания как можно более ответить «обезьяне», стоящей напротив его, да ещё и сошедшей с истинного пути. И Корн это понимал, улыбнувшись про себя.

— Корабль имеет возможность трансформации позиционирующих в пространстве устройств под спальные места людей Ветви Вивус, — осторожно, словно пробуя слова на вкус, произнес представитель Доминис. Его синтезированный голос звучал ровно, но в этой ровности угадывалась натянутая струна — тонкая грань между вынужденной уступкой и скрытым раздражением.

Это явное желание угодить Корну, как и нескрываемая радость Александра Пара, наталкивало на сложные размышления о хитросплетениях взаимоотношений обществ друг с другом и пересечением этих взаимоотношений с жизнью Корна Ронда Селезиума из Ветви Некс. И размышления даже неуглубленного характера кричали загадками, опасностями и сложностями, которые встретятся во время выполнения задания, а вероятнее всего и после его успешного, — а будет ли оно таковым? — завершения. Он представил себе лабиринт, где каждый поворот скрывает новую ловушку, а каждая дверь ведет к еще более запутанным коридорам. И где-то в глубине этого лабиринта — цель, ради которой он рискнул всем. Но что ждет его на выходе? Слава и признание? Уж точно не они! Или безмолвная пустота, поглотившая многих до него?

— Контракт с Мовер подписан? — ничего не скрывая, спросил Корн.

— Да. Тебе лишь необходимо подписать акт получения, дополнив имеющуюся маску, — так же откровенно ответил представитель Доминис. В его синтезированном голосе не было ни колебаний, ни фальши.

— Я могу присесть? — спросил Корн, указывая на кресло. Он намекал на подписание акта, но ему не терпелось соединиться с кораблем. Его сердце едва заметно ускорило ритм, хотя лицо оставалось бесстрастным.

— Конечно, — отозвался представитель Доминис и плавно, почти механически, сделал шаг влево, освобождая пространство.

Корн уже было хотел присесть, но резко остановился.

— Стоп! А каким образом состоится передача слепка? — серьезно спросил он.

— В том же месте, где ты передашь сценту, тем же способом, каким ты передавал слепок главе Конциусу. Представитель от Мовер будет свидетелем, — размеренно ответил представитель Доминис.

Сей факт вносил некоторые коррективы в план, и стала необходима его более глубокая детализация. Корн изо всех сил старался не думать о его предстоящем исполнении, но мысли, будто взбудораженные криком птицы, сами срывались в полет, и их приходилось ловить прямо на лету, дабы не выдать и намека на какое-либо действие в будущем. Конечно, он желал бы поверить в слова представителя Доминис об отсутствии на корабле дырок, напрямую передающих всю информацию на Таурис-5, но жизненный опыт, в особенности недавний, этого сделать не позволял. А с учетом того, что в данный момент времени они находились на одном из самых современных кораблей, фантазия рисовала множество способов сбора этой самой информации, а вот передачи один — через комдист ядро.

— Понятно, — коротко, без эмоций бросил Корн и сел в кресло.

Подключение к кораблю ничем не отличалось от стандартного совмещения разъема и штекера, и лишь кресло казалось куда менее удобным, точнее, было совсем не приспособлено для обычных людей, но в его замене Корн сложностей не наблюдал.

Подписав необходимые документы, он проверил маску и запросил разрешение на взлет. Получив все необходимые данные, корабль покинул Девел-22 и, уже, будучи на орбите, Корн запросил разрешение дистанционного старта для судна, на котором он прибыл. В этом деле проблем не нашлось, и вскоре Корн вывел самый быстрый корабль в галактике на орбиту спутника и установил его сопряжение с самым современным. Связка была готова и после получения траектории пара лучших представителей своего вида отправилась в небольшое путешествие через половину галактики, избрав своей конечной целью планету людей, не вписавшихся в доминирующие Ветви.

Глава 6

Планета Инитилс-4, 98-66-12, Серая Зона. Год 2052 от Разделения

Голубая планета приветливо встретила своего нового жителя и омыла тропическим ливнем при приземлении, словно посвящая вновь прибывший корабль в свою атмосферу.

Маска сработала отлично, и теперь новое судно Корна числилось в ремонте на неопределенный срок. Длительность ремонта действительно пока оставалась загадкой, ведь Корн набросал лишь эскиз того, что хотел в нем поменять, проверить и перепрощить. К тому же сей набросок существовал только в его голове и был оформлен неточным списком, так что к законченному виду его еще предстояло дополнять и редактировать.

Предстоящее задание отличалось от всех предыдущих, ведь до этого, если не брать в расчет модернизацию корабля, ему приходилось действовать по шаблону, всегда приводящему к положительному результату. Сейчас же требовался творческий подход — налетом приобщения к тайнам прошупывания будущего через «боль» прошлого. Перед ним маячила необходимость переработки полученных опыта и знаний, дабы выработать близкий к реальности список проблем и их решений, необходимый для сохранения не только своей жизни, но и жизни двух бедолаг, которые отправятся с ним в бездну неизвестности.

Старый корабль стоял рядом с новым — словно ветеран рядом с юным наследником. Спустившись на площадку, Корн посчитал его вид грустным, будто тот чувствовал, что его служба закончена и теперь его ждет скука и забвение бессрочного списания на заслуженный отдых — пенсия, то есть мирное увядание среди ангаров, где пыль оседает на некогда гордые обводы, а эхо шагов заглушает память о бесконечных просторах космоса. Хотя Корн уже решил чередовать их, отправляясь в ближнюю Серую Зону на старом, а во все, что за ней, на новом, оставалось оформить эти понятия каким-либо внятным образом хотя бы у себя в голове и тогда проблемы с грустным видом его спутника возникать перестанут. Да и наличие у него сразу двух кораблей повышало вариативность выполнения поставленных задач и вероятность их положительного исхода. И Корну уже не казалось роскошью иметь пару кораблей: в его глазах это выглядело как инструмент, недешевый, но качественный и уже необходимый.

В этот раз он нарушил традицию и не лег отдохнуть после полета по космосу. Точнее, необходимость сразу бежать к главе Конциусу нарушила эту традицию, хотя в этот раз глубокий сон отсутствовал, а значит и отсутствовало «похмелье», которое наилучшим образом выводится из организма отдыхом в естественных условиях.

Глава Конциус находился в своем кабинете. Как только Корн вошел, хозяин кабинета быстро поднялся и широким шагом направился к гостю.

— Рад твоему возвращению, — сказал глава Конциус и, приветливо улыбаясь, подал Корну руку.

Корн ответил сдержанным кивком и крепко сжал ладонь главы Конциуса.

— Присядем, — предложил Конциус.

Они сели на соседние стулья. Глава Конциус не стал растягивать разговор и сразу попросил в двух словах обрисовать наиболее важные, по мнению Корна, детали прошедших сделок. Тот обстоятельно рассказал все, что посчитал нужным, стараясь не пропустить ни малейшей важной детали, дабы вывод на основании его слов был полный и правдивый. После полученного ответа, глава Конциус некоторое время помолчал, затем сказал:

— Мовер каким-то образом смогли получить данные с последней сенты, которую ты доставил. — Он замолчал, глазами показывая, что скоро настанет время Корна выдвинуть свои версии. — Мне неизвестно, интерпретированы они нами или Доминис, но есть подозрение, что в их руках не наша версия.

Тот в свою очередь имел время для размышлений в процессе перемещения кораблей на Инитилс-4 и ответил без драматичных пауз, ведь прокрутил в голове не один десяток возможных сценариев, ища слабые места в цепочках событий:

— Ввиду крайне странного поведения Мовер и Доминис, рискну предположить, что они заключили некое тайное соглашение, — начал он, тщательно подбирая слова. — Один из пунктов которого — изолировать Перемт от новых сцент, которые будут нами же и добыты. Ссента с Игн уже входила в этот договор, но наличие у нас людей, сотрудничающих с одним из обществ, я бы тоже не отвергал, — сказал Корн, а глава отрицательно покачал головой по поводу последнего предположения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.